

Серебряный пепел

_____ *Серебряный пепел* _____

МИХАИЛ ЛОПАТТО

СЕРДЦЕ НОЧИ

Рудня-Смаленск

«Мнамосина»

2015

*Издание подготовили
Виктор Худрявцев и Сергей Ховнер.*

*Сердечная благодарность
Льву Михайловичу Турчинскому
и Константину Михайловичу Воробичу
за помощь при подготовке книги.*

Лопатто М. О.

Сердце ночи. Рудня—Смоленск: «Мнемозина», 2015.
— 280 с. (Серебряный пепел).

В 1910-е годы Михаил Лопатто (1892–1981) принадлежал к славной плеяде участников Пушкинского семинария профессора С. А. Венгерова, являлся одним из основателей бурлескного кружка «Омфалитический Олимп». Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1917 году.

В 1920 году, покинув Россию, обосновался в Италии, ведя уединенный образ жизни.

В настоящее издание вошли все три поэтических сборника М. Лопатто: «Избыток» (Пг., 1916), «Круглый стол» (Пг.-Одесса, 1919), «Стихи» (Париж, 1959), а также переводы из Анри де Ренье и коллективный пародийный сборник «Омфалитический Олимп. Забытые поэты».

*«Жить надо, в праздник наряжая
Все дни – дней мало нам дано...»*

В 1910-е годы мало кто из студентов-филологов Петербургского университета, участников известного Пушкинского семинария профессора С. А. Венгерова, не писал стихов. Большинство из них так и остались поэтами-полудилетантами, пыгавшимися, порою не без успеха, соединить в своем творчестве стиль пушкинской эпохи и новых течений Серебряного века, прежде всего, акмеизма. Едва ли не самыми одаренными из них были Георгий Маслов и Михаил Лопатто. И если автору трагической «Авроры» суждено было умереть на 25 году жизни, то к флорентийскому отшельнику судьба оказалась намного благосклоннее.

Михаил Осипович (Иосифович) Лопатто родился 6 (18) сентября 1892 года в Вильне в семье состоятельного караима Осипа (Иосифа) Соломоновича Лопатто (Лопато) и Раисы Юрьевны Юхневич. Отец, вышедший в отставку в чине штабс-капитана, владел поместьем в Лифляндии, перед революцией – гостиницей «Петербургская» в Одессе, являлся членом Общества караимов для распространения просвещения и взаимного вспомоществования.

М. Лопатто закончил 2-ю виленскую гимназию, где учился вместе с Н. М. Бахтиным, будущим фило-

логом-античником, старшим братом литературоведа М. М. Бахтина. К этому времени относятся его первые литературные опыты. В 1910 году М. Лопатто поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Вскоре стал одним из активнейших участников Пушкинского семинария С. А. Венгерова, опубликовал двумя изданиями исследование «Повести Пушкина. Опыт введения в теорию прозы», вызвавшее оживленную дискуссию в периодической печати.

В эти годы молодой исследователь довольно скептически относился к новейшим течениям отечественной словесности. Много позже в одном из писем он отметит: «Я не принимал манерность декадентов; импрессионисты, символисты и футуристы – все они, казалось, прикрывали различными масками отсутствие поэтического содержания». Принципиальную позицию М. Лопатто разделяли его университетские товарищи Н. М. Бахтин (1894–1950) и В. С. Бабаджан (1894–1920; его сестра, Назлы Симовна, была женой Михаила). Весной 1916 года все трое объединились в бурлескный кружок «Омфалитический Олимп», сочиняя легкие иронические стихи, пародирующие второсортную поэтическую продукцию многочисленных «школ» и «школок». Следующим шагом стало основание в Петрограде издательства «Омфалос» (*греч.* «пуп», «пупок»). После Октябрьской революции оно вынуждено было переместиться в Одессу. Не долго оставался в столице и М. Лопатто, хотя в 1917 году по окончании учебы он был произведен в младшие

преподаватели и оставлен при университете. Однако политическая обстановка в стране стремительно накалялась, и Михаил Осипович благоразумно выбрал командировку на юг, в Новороссийский университет, где ему предстояло вести «общее языкознание».

В Одессе он продолжал издательскую деятельность со своими товарищами по «Омфалосу», выступал со стихами в местной периодической печати и на литературных вечерах. Среди книжной продукции издательства особое место принадлежит коллективному сборнику «Омфалитический Олимп. Забытые поэты», давно ставшему библиографической редкостью. Авторами пародийных стихов этой забавной литературной мистификации являлись В. Бабаджан, Н. Бахтин и М. Лопатто, укрывшиеся под масками Онуфрия Чапенко, генерала Апулея Кондрашкина, Мирры да Скерцо и т. д. Как отмечал впоследствии М. Лопатто: «иронические стихи <...> писали для упражнения в совершенствовании техники, как музыканты играют гаммы и этюды».

Тем не менее, начинающий поэт не мог полностью вытравить в себе лирическое начало. Еще в Петрограде, в 1916 году, вышел в свет его первый сборник, «Избыток», свидетельствующий о хорошем знакомстве автора с поэтикой акмеизма, о том, что общение с О. Мандельштамом, Н. Гумилевым и, прежде всего, М. Кузминым не прошло бесследно.

Рецензенты, не рассмотревшие за ироничностью стиля серьезности содержания, незаслуженно резко пеняли Лопатто на «дурной вкус», «пустоту и вульгар-

ность». Особенно забавно было слушать это из уст А. Тинякова, поэта далеко не безупречной репутации, известного своим аморальным образом жизни.

Строг был и юный Г. Иванов, писавший в журнале «Аполлон» (1916, № 6–7):

«Избыток» М. Лопатто, в противоположность книге К. Липскерова («Песок и розы». – В. К.), несмотря на дурной вкус и сомнительную культурность, отмечен печатью живого дарования. Неприятно, порою отвратительно, читать его пошловатые описания из цикла «Amor Profanus», но иные его пьесы радуют зоркой наблюдательностью, свежими образами и звонким стихом:

В сиянье нестерпимом
Все тает в синеве,
А полдень синим дымом
Клубится по траве.

За старую больницей
Сверкнула моря сталь.
Там в сетях серебрится
У рыбаков кефаль,

И каждый камень – слиток
Воды, песка, огня.
И радостный избыток
Вливается в меня.

В стихах М. Лопатто есть какое-то веселое здоровье, и, если он сумеет преодолеть свой дурной вкус, свое непонятное пристрастие к пошловатой эротике – он будет поэтом.

А вот что писал в «Журнале журналов» (1916, № 30) В. Еникальский, рецензируя в статье «Неведомые» поэтические сборники М. Лопатто, Чролли, К. Арсеновой, Г. Адамовича и Т. Ефименко:

...Приятные и изящные стихи Лопатто, к сожалению, часто слишком непритязательны. Легкий эротизм, которым пропитаны все его вещи, нередко переходит в плоскость. Некоторые такие стихи производят в высшей степени комическое впечатление. Напр.: «Переводишь ты к постелям Взор, будящий сердца стук»; «Но я... влюблен, упав на скользкий пол, в твою <неровную> походку и в твой надушенный подол», причем финал этой вещи – следующий, поэтический призыв:

«И здесь, на холоде паркета,
Люби безвольного меня».

Зато автор показал себя с лучшей стороны в своих маленьких пейзажах и описаниях...

Второй сборник стихов М. Лопатто «Круглый стол» (рисунок на обложке В. Бабаджана) вышел в издательстве «Омфалос» в 1919 году. Отметив «интересную поэму “Тайный гость”, в которой есть настоящие художественные достижения», К. Мочульский в своей рецензии на книгу («Одесский листок». 1919, 16 марта) писал о «большой насыщенности и перегруженности» фактуры стиха Лопатто, приближающейся к барокко, излишней утонченности образной системы, о безусловном влиянии на молодого автора поэтики М. Кузмина с его сложными строфоидами.

Братоубийственная гражданская война разводи-
ла по разные стороны баррикад миллионы соотечест-
венников: одни гибли в бесконечной череде окоянных
дней, другие бежали за границу, третьи оставались
верой и правдой служить Советской России. Пред-
стояло сделать нелегкий выбор и бывшим универси-
тетским товарищам. Эмигрировал во Францию, затем
– в Англию Николай Бахтин. Расстрелян большеви-
ками в Феодосии в 1920 году как офицер Доброволь-
ческой армии Вениамин Бабаджан.

Михаил Лопатто решил не испытывать судьбу. В
начале 1920 года с женой и сыном Дмитрием он через
Константинополь эмигрировал в Италию, избрав ме-
стом постоянного проживания Флоренцию. Здесь со
временем он занялся коммерческой деятельностью
(оптовым импортом пушнины) и вполне в этом пре-
успел. Во время Второй мировой войны участвовал в
антифашистском движении, позже был членом Пар-
тии Акции (ныне Республиканской). В 1948 году,
получив итальянское гражданство, М. Лопатто же-
нился на Марии Луизе Ландуччи (с первой женой
брак был расторгнут в 1937 г.).

Живя в духовном уединении, сознательно изо-
лировав себя от литературной жизни как Русского
Зарубежья, так и далекой родины, Михаил Осипович,
тем не менее, продолжал заниматься литературным
творчеством. В частности, работал над романом-
трилогией «Чертов сын. Россия: 1904–1928» (остался
незавершенным), населив эту «своего рода поэму
зла» многими знаковыми персонажами русской куль-

туры начала XX века. В 1977 году во Флоренции под псевдонимом Ашина вышла первая часть романа в авторском переводе на итальянский язык.

Поэтические произведения Лопатто, написанные в эмиграции, составили во многом итоговый сборник «Стихи» (Париж, 1959), в который он включил, почти в полном составе, одесскую книгу «Круглый стол» и даже одно стихотворение из «Избытка».

В рубрике «Новые книги» («Русская мысль». Париж. 1960, 6 февраля) очень доброжелательно откликнулся на сборник ровесник Лопатто Юрий Терапиано, также отдавший в свое время дань акмеистической поэтике:

Совсем в другом роде, чем у Бориса Филиппова, стихи Михаила Лопатто. И внешний вид прекрасно изданной книги, и ее объем, необычный для зарубежных сборников стихов – около 200 страниц текста, и, наконец, фактура стиха и содержание – все заставляет нас вспомнить то далекое предреволюционное время, когда самый воздух, которым дышали поэты, был иным.

Невольно вспоминаются «Александрийские стихи» М. Кузмина, аполлоническая линия Сергея Маковского – его «Нагарэль», его стихи об Италии и царскосельские стихи Д. Кленовского.

Стихи Михаила Лопатто сделаны в акмеистической манере, они композиционно стройны, поэт владеет всеми размерами и формами, вплоть до газелл.

Тематика его самая обширная – Запад и Восток, античные мотивы и современность, лирика, любовные эпизоды, картины Италии и других стран – во всем поэт находит источник вдохновения.

Он – эстет, путешественник, влюбленный.

Как для парнасца, для него главное зрение, он хочет видеть «формы, краски и объемы мира», стремится оттенить радость жизни, а не трагизм ее, он внутренне насыщен жизнью и ценит ее благополучие.

...Дождь лил, все лил на листья и цветы,
И мы в окне стояли молча рядом.
И, вся преобразясь, счастливым взглядом
На обновленный мир смотрела ты...

Хотелось бы сделать другие цитаты, но ими все равно нельзя охарактеризовать содержания такой разнообразной книги.

Скончался Михаил Осипович Лопатто 26 января 1981 года во Флоренции, похоронен на кладбище Треспияно.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

М. ЛОПАТТО.

ИЗБЫТОКЪ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит.

Тютчев

САНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГУЛЫ

Посвящение

Тебе, веселой и мятежной,
Сверкнувший золотом бокал.
Какою острою и нежной
Тоскою голос задрожал!

Куда влечет, к каким Эдемам,
В блаженно-южные края
От блюдечка с кофейным кремом
Шипуче-льдистая струя.

И в сердце бьющемся избыток
Ужели можно затаить,
И вспенив золотом напиток,
Через края не перелить?

Переливай и пей, со смехом
Кусая тонкие края.
Веселой песней, нежным эхом
Тебе на все отвечу я.

Море

В сиянье нестерпимом
Все тает в синеве,
А полдень синим дымом
Клубится по траве.

О путь по жарким глыбам,
По выжженным холмам!
На мысе, за изгибом,
Белеет древний храм.

За старую больницей
Сверкнула моря сталь.
Там в сетях серебрится
У рыбаков кефаль,

И каждый камень – слиток
Воды, песка, огня.
И радостный избыток
Вливается в меня.

Лодки сонной, лодки синей
в синеву направив путь,
Опустить блаженно веки
и плечом к плечу прильнуть.

Там, под нами, темный холод,
с нами – солнце, зной и блеск,
Нежный лепет, легкий шорох,
плоских весел звучный всплеск.

В легкой лодке, в лодке синей
все забудь и не грусти.
Улыбнись прозрачным струям, в воду руки опусти.
Небо сине, волны сини, сладко синим сном уснуть.
Нас уносит легким ветром...
Улыбнись, усни, забудь.

По матовости плеч, по смуглой коже ног,
В бриллиантах просверкав, истомно солнце рдело.
Она приподнялась и сыпала песок,
Горячий, золотой, – песком лаская тело.

И вдруг, развеяв лень, упруго, как стрела, –
Чуть звякнул амулет, чуть промелькнула шея, –
Вскочила и, смеясь, вся в брызгах, поплыла.
А волны плещутся, блестя и голубея.

Зарею, сонная колен истома
И смех и робость – все знакомо.

Стоять и медлить, руки заломив,
Смотря на лаковый залив.

И ринуться с мостков, и нежить тело,
Чтоб кожа чуть порозовела,

И плыть и плыть, плечом взрезая гладь,
И руки к солнцу поднимать.

Смеясь, плывет с чрезмерно бурным шумом,
А тело черным схвачено костюмом.

В прозрачности мельканье стройных ног
И зеленеющий на дне песок.

Ах, та ж волна к нам льнет, и подымает,
И, захлестнув, блаженно опускает.

Как под одним мы греемся плащом,
И сладко рядом плыть – плечо с плечом.

С веранды в синь слепящей глади
Ты смотришь, щурясь, хохоча,
И в кружевном твоём наряде
Сквозит изнеженность плеча.

Зной утра. Над водой – ни ветра.
В лиловых дымах контур гор.
Что заказать? Вина St-Pietro
И наш излюбленный рокфор!

Ты жадно пьешь. Смотрю, ревнуя,
И ревность глупую тая:
«Ужель свежее поцелуя
Стакана льдистые края?»

Жара. Иду в купальни
С лохматой простыней.
Открылся берег дальний
И дачи подо мной.

Искрится зыбью вспышек
Рассыпчатый песок.
Повел пригодишишек
Купаться педагог.

В тени за самоваром
Хозяйка киснет. Ленъ.
И ярким пеньюаром
Оттенена сирень.

Ни паруса, ни птицы,
Лишь в сонной лодке зонт.
И золотом курится
Лазурный горизонт.

Только первая рюмка Кианти,
Только первый вдохнуть поцелуй, –
А потом недоступною станьте
И прозрачней полуденных струй.

Только поверху море нагрето.
Разве нужен томительный хмель
И горячее, пьяное лето
В этот вкрадчиво нежный Апрель?

Видение Венеры

В знойный день у синих вод на камне я лежал,
И слизнул меня, нахлынув, мутно-теплый вал,

Выплыв, я не знал, что было: сладость или боль?
На губах моих еще пылала горько соль.

Нежной пеной розовели гладкие пески.
Как шиповники, алели в пенной мгле соски.

Я закрыл глаза пред нею в страхе, и Она
Пролилась мне в тело телом, длительно нежна.

И ушла по горным склонам. Сердце пронзено,
Отозвалось только стоном ей вослед оно.

Заря Фондо

Не теплой негой стана,
Не ласкою колен,
Истомная нирвана
Меня замкнула в плен, —

Меня замкнула в плен
Из льдистого стакана
Легчайшею из пен, —
Не теплой негой стана.

Не теплой негой стана,
Не пением сирен
Над зыбью океана,
Не ласкою колен, —

Не ласкою колен,
Надушенных так пряно,
Вливалась в сети вен
Истомная нирвана.

Истомная нирвана
Прозрачно-синих стен,
Окрасившись багряно,
Меня замкнула в плен.

Прогулка

Горный город, белый и зеленый,
Облепивший теньевые склоны.

Виноградник на холме прибрежном,
Волны поднимают лодку нежно.

На пути обратном берега во мраке.
Блики звезд. Тревожные собаки.

Свежий запах сырости и соли
И цветущих сладостно магнолий.

Воспоминание

Белел во мраке мягкий снег
В тенистых впадинах обрыва,
И волн размеренный набег
Лизал пески неторопливо.

Безветренная тишина!
Лишь бальной туфельки шуршанье.
И красной выплыла луна,
Позолотив глухое зданье.

Мы так стояли у перил,
И пахло морем и духами.
В санях я нежности не скрыл,
Ее укутавши мехами.

Ю. Оксману

Что б ни случилось, душою не смутись.
Спокоен, строг, смотри в яснеющую высь.

Ты книгу отложил, безмолвен у окна.
Сквозь узкое окно окрестность вдаль видна.

За рощею сквозной уже стада пылят.
Среди стволов берез малиновый закат

Овеян свежестью. Тебе давно знаком
И глинистый обрыв, и тускло-серый дом.

И в деревушке, там, в лощине за рекой
Лохмотья и возня с гармоникой, тоской.

Ты не печалишься. Твоя душа ясна.
В ней золотится мир и неба глубина.

Сквозь узкое окно долина и стада,
И ветерок с реки, и первая звезда.

Заплатано тряпкой окошко,
Невыметен двор и пуст.
В траве разлагается кошка.
Запылен чахлый куст.

Душный полдень. Звонко
Где-то точат косу.
Кричит сизоворонка
В осиновом редком лесу.

В канаве два красных цветочка.
Кузнечик. Синь небес...
Прошла помещица-дочка
С лорнетом и книжкой в лес.

Цыплица

Ботинки густо запылились,
Но сельской негой дышит грудь.
О будь Аmandой, Амариллис,
И «Анну Павловну» забудь.

Сегодня – сказка! День на даче,
Непринужденность, молоко,
Гамак и солнце, писк цыплячий
И мебель в стиле рококо.

Закат. За рощей солнце село,
И тени выросли в глазах.
Послушай, как поет в кустах
Не соловей, а Филомела!

Я полон чувств. Я опьянен
Природой, песней, Амариллис...
И лишь соседский граммофон
Поет: «куда вы удалились».

Небо нежно золотится,
Шелестит, темнея, сад.
Рдеют липы, будки, лица,
Рельсы дальние блестят.

И, сменив пиджак на форму,
Вышел, низок и плечист,
На пустынную платформу
Сонно-злой телеграфист.

Струи веющей прохлады
Он вдохнул, фуражку сняв...
Запах розовой помады
И степных сожженных трав.

Ноктюрн

Декоративно-лунный сад,
Блестит вода, плотина, ива.
Уныло парни голоса
И думают, что так красиво.

Мелькает чей-то силуэт,
И смех придушенный я слышу.
Ах, без любви и счастья нет,
И черный кот полез на крышу.

Как беспокойно. Не усну.
Меня терзает запах пота.
Собака воеет на луну,
И громко высморкался кто-то.

Теософ

1

С крутых, обманчивых откосов,
В траве нащупывая шаг,
Спустился сгорбленный теософ,
По плечи в зелени, в овраг.

Присел на выжженном пригорке,
Достал с восторгом бутерброд...
Но губы мертвенны и горьки
И жутко черен вялый рот.

В пучках волос сваялась хвоя,
И вся в репейниках спина.
Ах, от природы и покоя
Расчувствовался старина.

Глядит, очки на лоб напялив:
Качнется ветвь; блестит вода.
А вечер дымчат, розов, палев
И невозвратен, как всегда.

2

Поставил точку. Перечел
С улыбкою самодовольной.
«Освобождение от зол –
Конец сей жизни косной, дольной...»

Кряхтя, снимает воротник,
Кладет в стакан вставные зубы.
На лысине играет блик,
Дрожат морщинистые губы.

Глокает капли... Не уснуть...
Перебирает год за годом.
Давно ль?.. И нарастает жуть
В углу за стареньким комодом.

Бессонница

Марсианин, больной и серый,
Склонил свой ватный лик.
Зазывая в лунные сферы,
Лепетал его косный язык.

За стеной куковала кукушка,
И пробило четыре, звеня...
Марсианин зарылся в подушку,
Грустно взглянув на меня.

Убоги поля,
Покрытые бурой щетиной.
Разрытая пахнет земля,
И ветер гудит над равниной.

Скупая тоска
Повисла над далью лиловой,
И тупо идут облака
К окраине неба багровой.

О горечь больных размышлений,
Часы от заката до сна!
В углу собираются тени.
Камин. Тишина.

Рождество

Камин горит. А за окном
Мороз и солнце. Свет и тени.
Оледенелый тих наш дом,
Приют цветов, тепла и лени.

По вечерам раскрыт рояль,
Звучат старинные романсы, –
Их беспечальная печаль,
Меланхолические кадансы.

На полированном столе
Среди романов Вальтер Скотта –
Кувшин и рюмки. На стекле –
Узор со стертой позолотой.

И золотые пузырьки
Блестят в бокале запотелом,
И со стены горят зрачки
Красивой дамы с белым телом.

Рояль звенит: «Так много дней,
А ты придешь ли, милый, дальний?»
Аккорды глуше и нежней,
А на душе – все беспечальней.

<1912>^{*}

---

^{*} Здесь и далее даты приводятся по сборнику «Стихи», в котором они вынесены в оглавление – В. К.

Н. Бахтину

Вы помните осенних дней
Ночную жизнь, огни, туманность,
Вдвоем блужданий долгих странность
В жемчужном блеске фонарей,
Когда, подняв воротники,
В кинематограф шли порою,
И Асты Нильсен художью
Пленялись, чувству вопреки?
Тепло, стрекочет аппарат,
Бренчит рояль, мелькает лента, —
На смену драме — вид Сорренто,
И яхты воду бороздят.

Вы помните мою «Марьет»
И ваши дикие поэмы,
Вино «нюи» и кризантемы,
А кто не помнит ваш берет?
Напомнить многое хочу
Я из того, что вам знакомо.
Извозчик, стой! Ну вот и дома.
Не беспокойтесь. Я плачу.

Вдвоем

Всю ночь вдвоем бродили мы
В сиянье фонарей,
С больной тоской – достигнуть тьмы,
О, только тьмы скорей!

В круги слепящей белизны
Вступали мы вдвоем,
И в мутном небе диск луны
Казался фонарем.

Сон

Тупик и глухой палисадник,
А конь задыхается сзади,
И мечется бронзовый всадник.
Дрожа, припадаю к ограде.

И вот озираюсь с тоскою.
Пустынно. Вода. Корабли.
С холодной, черной Невою
Там сходится море вдали.

Как прежде ты на фоне дней
Уже не кажешься прекрасной.
Ты стала близкою и ясной,
И я люблю тебя нежней,
Как дождь, туман, часы труда,
С моей тоской однообразной,
Какой-то вялою и праздной
Привязанностью навсегда.

Amor Profanus

Из пены кружев возникали
Покатые холмы.
О как пленительно в начале
Робеем мы.

Не скинув праздничного платья,
Так сладко вместе лечь,
К устам прижать, сомкнув объятия,
Припухлость плеч.

Я замираю, я немею,
Кружится голова.
Целую волосы и шею
И кружева.

Asti

Здесь не жарко. Алы губки.
Вся ты в белом. Влажен взгляд.
В голубом фамильном кубке
Пузырьки вина блестят.

Возбуждаясь легким хмелем
И небрежной лаской рук,
Переводишь ты к постелям
Взор, будящий сердца стук.

Торопливо сбросив платя,
На простыни сладко лечь.
Как волнуящи объятья,
Бархатиста кожа плеч!

По желтоватым занавескам
Заря отливами легла.
Таинственным мерцают блеском,
Без рам, большие зеркала.

В них лунный сон еще гнездится
И спящая отражена,
Вся в кружевах. Черны ресницы,
И плеч округла белизна.

Но луч на все кладет румяна
И тонкой пылью золотит
Флакон Герлена и Леграна
И черный твой Александрит.

Моей души прозрачно дно
И ничего в ней нет.
Лишь бледно-желтое вино
И легкий смех Марьет.

Летит бесшумно в ночь мотор,
И ласков лисий мех,
И мне отраден темный взор
И легкий, легкий смех.

Всегда с огнем нестись вперед,
Сливая свежесть уст.
О мрак ночей! О плавный лёт
И взор, который пуст.

Ты сидишь в углу дивана,
Нервно комкая платок.
Тонко-тертые румяна
Оживляют бледность щек.

Как всегда изящны позы
И надушен пряно мех.
Для меня же боль и слезы
Прикрывает громкий смех.

Наша близость все печальней,
Все измученней сердца.
То, что было в нашей спальне, —
Признак близкого конца.

Еще бледна ты и безвольна,
И грусть легла у слабых уст,
Но так покорно, так безбольно,
Так упоительно я пуст.

У зеркала для туалета
Ты пудришь лоб, лицо склонив,
И нежно просишь, неодета,
Чтоб застегнул я сзади лиф.

Но я изнеженно и кротко
Влюблен, упав на скользкий пол,
В твою неровную походку
И в твой надушенный подол.

Побудь еще полуодета,
Склонись, улыбкой опьяня,
И здесь, на холоде паркета,
Люби безвольного меня.

Твой горький рот, пропахший никотином,
Так сладостно с моим играет ртом,
Твой темный взор, доступный всем мужчинам,
Так полно отражен в моем.

И меж грудей пахучая долина
Горит огнем моих безумных губ.
Прильнул, дышу отравой никотина,
И падаю, как труп.

Чужие люди подходили
К тебе смеясь.
Казалось, в мире все забыли
Про нашу связь.

С тобой любезничал мужчина,
А я бледнел
И, нагибаясь у камина,
Ладони грел.

Конечно так: «ничто не вечно».
В твоём саду
Я только странник, только встречный,
И я уйду.

Миллетное

Глаза, голубые когда-то,
Опавшие в сети морщин
(На фоне багряном заката,
Над паром зеленых долин!)

Сидим на скамейке бульвара.
Под ветром укуталась в мех
(Тепло и духи будуара,
Касания, в дрожи, и смех!)

У лаковых плит пьедестала
Дочурка (похожа, светла)!..
Взяла за рукав, прошептала:
«Ты помнишь? Но та умерла...»

МИХАИЛЬ ЛОПАТТО.

КРУГЛЫЙ СТОЛЪ.

СТИХИ.

«ОМФАЛОСЪ»
ПЕТРОГРАДЪ—ОДЕССА.
1919.

Рисунок на обложке работы В. Бабаджана.

Веселье с песней сплетено вокруг стола.
Остроты, ласки и вино вокруг стола.
Желанен каждый гость, и есть для всех венок,
И каждый дружбы лишь звено вокруг стола.
Мы пьем из кубка одного: не хочешь – пей!
Эрота славить нам дано вокруг стола.

<1917>

Как нежно, без косметики, румян, кто любит,
Благословляет розу и бурьян, кто любит!
Богатства копишь ты, о радости забывший,
Но что тому товаров караван, кто любит!
Скопец угрюмо пьет, один в кругу бутылок,
От первого бокала томно пьян, кто любит.
Тот за столом пленительной чертой отмечен
И звездным светом тайно осиян, кто любит.

<1917>

ДАЕННЫЕ ДЕСИ

Только пленных песен звуки,
В кольцах матовые руки,
Легкий вздох, цветная шаль...
Нет, не хочется шербета.
Слишком сини волны света,
Пахнут розы и миндаль.

Кременистая долина,
Сакли, чахлая маслина,
Птица в клетке – все в плену,
Не спускаться с плоской крыши,
Петь, а песня тише, тише,
Словно просится ко сну.

<1916>

В. Бабаджану

Брат, проснись! Пропел петух свежесть зорь,
Усыпляет рои мух свежесть зорь.
Уговор: не трогать роз, скромным быть,
Восхваляя, как евнух, свежесть зорь.
На попойке шумной ты был вчера,
Тем отрадней встретит дух свежесть зорь.

<1917>

Урок

Еще вчера, тосклив, мятежен,
Ты банк нерадостный метал,
И словно воздух был разрезен,
Так жадно ты его глотал.
А нынче на душе ни тени,
Забыт румяных карт узор,
Сигару куришь, полный лени,
Роняя пепел на ковер.
Визжат стрижи в эфире блеклом,
Внизу газетчики кричат,
И жарко солнце бьет по стеклам,
И новой радостью ты рад,
Что не забыло сердце биться,
Что день – затейливый роман,
Где утро – первая страница,
А вечер – отдых и кальян.

<1915>

Радость, гостя хлопотунья,
Целый день в груди пропела,
Лишь с закатом присмирела
И нахохлилась, летунья.
Что же ночью: быть веселью,
Друг придет с вином и песней
Или станет все чудесней, –
Будет муза в нашу келью.
Иль, накинув шубку кунью,
Ты придешь под эту крышу,
И опять, опять услышу
Радость, нежную певунью.

<1917>

Всех городов пышней Сидон гостеприимных,
Из тесных улочек сплетен гостеприимных.
На вертелах дымится жир и вина сладки,
И звонкий слышен щебет жен гостеприимных.
Румян от солнца и пути за стол садишься,
Рабынь толпою окружен гостеприимных.
Догадлив ты: в тенета роз был пойман ловчий
И негой двух сестер пленен гостеприимных,
Но скромный не откроет, в чьих объятых смуглых
Отраду ласк вкушает он гостеприимных.

<1917>

Я утром обходить базар люблю,
И пестрый праздничный товар люблю,
Лимонов груды, устрицы и мед
И вин сирийских сладкий дар люблю,
Ковры палаток, голубей и жен,
Над взморьем всплывший солнца шар люблю.
Лишает мудрый покрывала мир,
А я сплетенье тайных чар люблю.
Нежнее зорь, вина хмельней – клянусь! –
Я губ сухих и свежих жар люблю.

<1917>

Рассказ об Индии богатой,
О ларях с грудой камней,
Багряных, как разлив заката
Над влажной зеленью полей,
О людях с опаленной кожей
У медленных и синих вод,
О пагодах, где камень – ложе
И яхонт освещает вход,
О кораблях, узорным носом
Избороздивших океан,
И о знакомом лишь матросам
Очарованье новых стран...

Не шьют, заслушались девицы,
Надменен карла, как пират.
Спит в кресле няня. Половицы
У печки сохнут и трещат.
И если выйдешь – двор оснежен,
Потянет сеном от телег,
И талый ветер смутно нежен.
Все в мире – звезды, синий снег,
Уют, мерцание лампадок,
Лебяжьих думок жаркий пух.
И сон мечтателен и сладок,
Когда в сенях поет петух.

<1915>

Пока, в жасминной мгле покоясь,
Блаженно дремлет Афродита
И сладок нам сирийский пояс,
Над жертвенной землей развитый,
Пока беспечно снятся сонным
Фонтанов лепет, розы, пена,
Гефест опутает влюбленным
Сетями нежные колена,
Ворвется в лунные пустыни,
Развеет чары ярким смехом.
День полон шелестом и эхом,
А дали солнечны и сини.
Отрадно слышать из амфоры
Вина густого хрупкий клетот,
В покое дальнем лютни рокот
И золотистый смех Авроры.

<1917>

Розов мрак опочивален, мой любимый,
Но сегодня ты печален, мой любимый.
Или бредишь ты княжною, розой чайной,
Поволокой глаз ужален, мой любимый?
Ах прошли весна и лето, солнце вянет,
И залив уж не зеркален, мой любимый.
Что с моим ты сделал сердцем! Виноградник
И разрушен и повален, мой любимый!
По утрам не бродит с флейтой сам садовник
Меж холмов и меж проталин, мой любимый.

<1917>

Стучу к тебе, дрожа, горя: открой мне дверь!
Пока не занялась заря, открой мне дверь!
Блуждая в улицах пустых, я изнемог,
Прохладны ночи сентября, открой мне дверь!
Задуй светильню, чтоб сосед не видел нас,
Рукой нежнее янтаря открой мне дверь!
Рассудок сладко нам терять, мы будем пить,
Во все края, во все моря открой мне дверь!

<1918>

Дождь идет

Полдень дымчат и прохладен. Теплый дождь.
Застучал, как дробью градин, теплый дождь.
Встал стеною пар, не виден наш залив,
Каплет с черных виноградин теплый дождь.
В сад я вышла срезать розу – плащ намок.
После хмеля ласк отраден теплый дождь.
Боги, горним водоемом милый стал,
Трижды я впиваю на день теплый дождь!

<1918>

Воробей Вероники

Затворник робкий, воробей,
Тебя прелестница ласкала,
Меж рук своих отогревала
От стужи ледяных ночей.
Она коснулась спелым ртом
Твоей головки, зябкий крошка.
Пушистым ты лежал комком.
Лучей дробящихся огонь
Пробился в мерзлое окошко.
Как сердце крохотное билось
В ее душистую ладонь!
Что смутно ей самой открылось,
Слетела ль к ней желаний стая,
Поймет ли радостно теперь,
Что слаще, чем ворота рая,
Запретных ласк и плена дверь?

<1917>

Прекрасен пурпур, золотом шитый,
Кованые ларцы с двойной крышкой,
Уборов сверкающих ложа,
Где рубины, янтарь, хризолиты
На сиянье зари похожи,
И дом с открытой ветру вышкой,
Откуда видны плоские поля
И море кажется лиловатым,
Прекрасны все дары, что рождает земля
Богатым.

Прекрасно на маленькой вдали сцене
Приковать тысячи глаз к складкам плаща,
Опутать чарами в Елене
И медленно пройти с невянущей улыбкой,
А в Деянире быть недостижимо зыбкой,
Роняя ткань с покатога плеча.
Прекрасны вопли и плеск тысяч ладоней
И надпись на медали в честь богиням равной,
Воздух, душный от благовоний,
И все, что дается славной.

Но должен быть доволен своим,
Кто хочет жить с душою ясной.
Когда бегу по пескам золотым и упругим,
Я забываю Александрию и мраморный Рим,
Счастливая телом, которое хвалят подруги
И милый зовет прекрасным.

Колеса врезались в песок сырой,
И кони – Луч и Нике – стали.
Голубой попугай прокричал: летим.
Розово пенный, эфирно золотой
В осиянные дали
Уносил мою нежность лепет волны,
Ветер скользнул по персям открытым моим,
И солнцем низким и кротким,
Солнцем моей весны
Пронизан синий дым летучий.
Не уплыть, парус поставив, в валкой лодке
На Делос родимый,
Где с тобой фиалки плели мы
И, дух затаив, носились по мшистым кручам.
На песке написала я тростью:
«Здесь была Навзикая
Печальной гостьей».
И поцеловала клюв попугая.

<1917>

Феофано, дочь Симонида,
Спутница поэта, прощай!
Короткую весну дала нам Киприда:
Апрель венчал, разлучил нас май.

Едва пригубив кубок желаний,
Укушенная змеей, ты стала ничем.
На станке недотканы пестрые ткани,
Наш домик запылен, угрюм и нем.

Странник, холмы покрылись мятой и тмином,
Журчат ручьи, плывут облака.
Тому, чье сердце полно Единым,
Жаркая плоть светла и легка.

<1917>

Есть пути чар, и тайно мы горим. Прощай!
Мы были телом радостным одним. Прощай!
Упрямый думает забыть. Пройдут года,
И мукою безмерной он томим. Прощай!
Вот локон золотистый, вот портрет. Скажи
Всему, чем жил, чем хрупко был любим: прощай!

<1918>

Не все ль равно, каким глухим кварталам
Вверять шаги, когда вдали закат?
Заборы, лужи, копоть за вокзалом
И дети чахлые в пыли у хат –
Как в солнце все и радостней и шире!
Румянит лица блик, горит окно.
Когда так любишь, в сумеречном мире
Не все ль равно?

Отрадно пить в корчме густое пиво,
С порога видеть угол синевы.
Служанка, дочь хозяина, красива,
Доступна всем, но, жаль, она – не Вы.
Блестит звезда сквозь потолок дырявый,
На сеновале душно и темно.
Горячий шепот, губы, вздох лукавый:
«Не все ль равно?»

Лишь призраком владеть, на Вас похожим,
Ловить лишь отблески мне суждено.
Что знаем мы, любя, что ждем, что можем,
Не все ль равно?

<1913>

В праздник

Угреватые прислуги
Звучно семечки лущат,
Дружно бродят на досуге
Толпы потные солдат.

Красно-желтая приманка,
Ум дурманит карусель.
Заливается шарманка.
Стал мороженщик за ель.

Сад запылен и печален
И от зноя весь поник.
В духоте гнилых купален
Замирает плеск и крик.

Ночью звезды будут яркие
В небе желтом, как янтарь,
И на черной мачте барки
Закачается фонарь.

Ночью снова затоскую,
Буду по пескам бродить.
Не уехать в даль морскую,
Не смеяться, не любить.

Пьющие солнце

Шафранный, золотисто-павлиний
Слепящих крыльев блеск и трепет.
Сквозь еле уловимый лепет
Барахтанье в теплой тине,
Щебет и писк в мускатной долине.
С холмов несет гарью и гнилью.
Огненной брызнуло пылью
Солнце, в брильянтах дробясь.
В одном объятье
Открыть всех тел пленительную связь.
Зайчики на белом платье,
На котором несмятая складка
Дышит уютгом,
Зайчики в стакане с розовым вином,
Зайчики на ладони, пахнущей сладко.
Сердце в небесной паутине
Не томный хмель, а солнце пьет,
Слепительность перьев и девственных линий,
Извивы лука, блеск золотисто-павлиний,
Глаза миндалины, румяный рот.

<1916>

Забывши рок, мы ставим цель, а там умрем.
Пестро кружится карусель, а там умрем.
Что знаем мы: что далеко нам до морщин,
Что нежно осиян Апрель, а там умрем.
Вплетем фиалки в волоса, зажжем огни,
Мгновенен миг, отрадна трель, а там умрем.
Поставь на стол кувшинов ряд и в кубки лей,
Пусть в голову ударит хмель, а там умрем.
Не медли, мгlistый воздух свеж и запад рдян,
Нас ждет душистая постель, а там умрем.

<1918>

Не любят розовой весной,
В тепле предчувствий замирая.
Так легкомыслен воздух мая,
И отрок полон сам собой,
Недоумело так лаская.

Когда же много, много раз
Среди различно душных комнат
Ласкал ты, зоркий ученик,
И ошибаясь и учась, –
Все пальцы, сердце, губы помнят –
Ты, как искусный богомаз,
Любви приоткрываешь Лик,
Неотстранимой и грозящей.
Нецеломудренный язык
Тогда воздушных песен слаще,
И столько острых ласк рука
И выражений тело знает, –
С глухою силой нарастает
Любовь-вражда, любовь-тоска,
И дух беспечности утрачен.

Притворство сладкое смешно!
Неложной нежностью охвачен,
Ты строг, уверен и прозрачен,
А сердце крепнет, как вино.

Куда уехать нам, в какие дали?
Дороги пахнут пылью и дождем.
Под солнцем жарким быть всегда вдвоем,
Завязывать ремни твоих сандалий
И спать на сене под одним плащом.

Впервые мы себя нашли, узнали,
И нежности проточный водоем
Скопляется из облака печали.
Куда уехать нам?

Все, что с бездумной лаской расточали,
И каждый срыв и хрупкий твой излом
Мы вновь преображенным обретем.
Деревьев купы, горней синь эмали
Во взоре пленном плещутся твоим.
Куда уехать нам?

<1916>

1. Плукик

Горлицы воркуют робко,
Розовое горло надувая.
Как пахнут ковры пестрого мая,
И шёлков яркий плен полян!
Хлопнула первая пробка.
– Сюда, ко мне! Одним предчувствием я пьян.
Рука украдкой ищет нежной руки,
А губы пьют, сдувая роз лепестки.
Взоры все влажнее,
Ноздри раздуты дико.
О золотые волос завитки
На гибкой шее!
– Пойдем за земляникой!
Все настойчивей ладонь глядя и сжимая:
– Вы совсем голубая, –
С дрожью томной и робкой
Касается острых колен.
– Я не прощаю Вам измен.
– Я умираю, ранен пробкой.

<1916>

2. Неверный шаг

Турчанкой Вы, в лиловой феске,
Кафтан с нашитыми червонцами,
В ушах алмазные подвески,
Глаза, сиявшие мне солнцами,
Искусственный румянец щек
И амброй пахнувший платок,

Ваш дом с прохладными покоем,
Где тих был ставней полумрак.
Стучало сердце перебоями
И сладостно и громко так!
И шепот Ваш: нельзя, не надо.
И смысл иной в ожогах взгляда.

Вздымались нежные холмы
Бискайских буйных волн покатей.
Разжавши руки, вновь объятий
Без устали искали мы,
Любя лишь нежное и пленное
И душу всю вместив в мгновенное.

<1916>

3. Аббат

Дано густым и рдяным винам
Проникнуть легкой кровью дух.
Все ждет слияния в Едином,
И зорек взор, и чуток слух,
Когда в весеннюю обитель
Тыходишь, просветлен и строг.
Телам движенье дал Строитель
И розе сочный лепесток.
Спешит с весельем каждый атом
Вступить с родной песчинкой в связь,
И в сердце, кротостью объятom,
Как солнце, радость родилась.

<1916>

ТРЕТИЙ

Бессонный дух с тобою входит в келью,
Дымится кофе, бодрости залог.
Как встарь верны мы легкому безделью,
А сумрак синь, беззвезден и глубок,
И вторит шепот нежному веселью.

Каирских папирос густой дымок
И роз дыханье сладки новоселью.
И тенью удлинил овалы щек
Бессонный дух.

Как слился сердца каждый стук с капелью!
Волшебному вверяясь тайно зелью,
Лимонный ты кусаешь лепесток.
Чуть тронул золотистой пастелью
Чернь зябких вод и палевый восток
Бессонный дух.

<1917>

Сонно рыбе сладострастье
В ряби пестрого ковра,
Запах пачули, запястье,
Воркованье до утра,
Рук паучьих и мохнатых
Тускло нежащая лень,
Губ ледок, бескровно сжатых,
Воздух сперт, зевки, мигрень.
А за дымчатым оконцем
Линий стрельчатая сеть,
Бродишь целый день под солнцем,
Чтобы густо загореть,
Чтоб коснеющую вечность
Дух застроил, как пустырь,
Чтобы вновь сошла беспечность
В наш лукавый монастырь.

<1916>

Прегрувствие лета

Твой рот – преддверие души хмельной,
Где смешан запах амбры и малины,
Где в сладостном избытке вздохов рой
Теснится в омут пурпурный и винный,
Где бухнут почки роз и где тобой,
Как золотом, насыщен сот пчелиный.
Свивая кудри кольцами, открой
Для влажных жал миндальные долины!

Под пестрым зонтиком и кружев пеной
Зенитный бродит жар в упругом теле –
Ногтей кораллы, нежный мох террас,
И холм, изрытый голубою веной,
И ясность кроткая ручной газели –
Но глаз твоих, ведь я не видел глаз!

<1916>

Закрыты радостные двери,
Твой друг уснул и скован сном.
По синим сеточкам артерий
Горячим рвется кровь ключом.

Приложишь руку – сердце бьется,
Утолено, возрождено.
Оно живет, оно проснется,
И будет солнечно оно!

Все так легко и неизбежно,
Играть, печалиться, сиять.
Нет, никогда еще так нежно
Твоих волос не пахла прядь.

<1916>

Третий

Я не нарушу словом четким
Тобой непризнанную связь,
И ты, насмешливо косясь,
Вновь назовешь простым и кротким.
Я верю тени и приметам,
Полету птиц и снам твоим.
Бывает, мы легко молчим,
И вот проходит кто-то третий.
Он тихий, еле уловимый;
Еще неясно воплощен,
Недоумело смотрит он
И крадется, робея, мимо, –
И тайно я преображен:
Не пестрых будней наслажденьем,
Не буйным золотом вина,
Но просветленным отреченьем
Моя душа обновлена.

<1917>

Андрогин

М. Кузмину

Тема

Мгновенный блеск, игра, измена
Легки, как райские ворота.
И зори и морская пена –
Земное все – лишь вздох Эроса.

Глосса

Женоподобный, томный демон
Отдал моим лобзаньям пальцы,
А сам недостижим и нем он,
Чужой под черной полумаской.
Курильщики, чтецы, скитальцы!
Не сини ли, как реки, вены?
Не жарче ль солнца жалит ласка,
И радостно дрожат колена?
Все в сфере призрачной и вязкой
Мгновенный блеск, игра, измена.

Зарей ли встану, мир чудесен,
И облак розов, как обитель
Снов паутинных, легких песен,
И матов пурпур винограда.

Ты праздный дремлешь, Соблазнитель,
У пестрых радуг водомета.
В руках потухшая лампада,
Румяна, жемчуг, позолота,
И лепет капель и отрада
Легки, как райские ворота.

Прольется ль дождь отвесной сеткой,
Врываясь в окна влажной пылью,
Ты с комнатой сроднясь как с клеткой,
Поешь певуньей беспечальной.
Тогда пытливому бессилью
Смутить ли сердце страхом тлена?
Все стало ясностью кристальной
В тебе, лукавая сирена!
И рощи горький дух миндальный,
И зори, и морская пена.

Но мне пленительней со зноом
Холмы предчувствий, свежесть ложа,
Когда ты вдруг слетаешь роем
Коротких кудрей к изголовью,
Меня лаская и тревожа.
Благословенны капли пота
На теле, жаркой полном кровью!
Блаженней солнца, гуще сота
Ты, сердце, пьяное любовью:
Земное все – лишь вздох Эрота.

Тайный гость

1

В тот год, без Вас, я жил на чердаке,
Писал канцоны, хаживал к обедне
И растравлял мучительные бредни,
Чтоб жить отшельником в глухой тоске.
Безвольный, зябкий, уходил в диван –
Продавленный, он все же был чудесен,
И возбуждала на обоях тусклых плесень
Полувидений зыбкий караван.
И белой ночью хриплые куранты
«Коль славен» повторяли каждый раз,
А я писал без свечки все о Вас,
Иль раскрывал потрепанного Данте,
И сладок был мне облик жизни новой,
Иль шел к Неве, пустынной и гранитной,
Когда дворцы, свою утратив тень,
Серели массою лепной и слитной
Над ширью вод, бесцветной и суровой.
Я знал тебя, ревнивая мигрень,
Ты спутница холодных лихорадок,
Но полным был мой самый трудный день,
И мир благословен и трижды сладок.

Порой, скитаясь, я читал афиши.
Карсавина, балы и чтений ряд, –
Солдаты шли с оркестром на парад,
И мчались рысаки быстрей и лише

Автомобилей черных. Вот летит
И сыплет комья льда из-под копыт;
Прелестница склоняет профиль свой,
И сладок ей и теплый снег, и слякоть,
И воздух талый, влажный и такой,
Что хочешь и смеяться и заплакать.

Я радовался пышности витрин,
И женщинам, и теплым ливня струям.
Я верил пьяным, острым поцелуям,
Которые волшебю пел Кузмин,
Но все вставало смутным и далеким.
И боль и нежность – было все иным.
Я с демоном сдружился грустнооким
И вел беседы сладостные с ним.
Добро и зло и время и пространство,
Софокл и Эпикур и ты, Сократ,
В чьем жале – гибельней цикуты яд,
Эллады прелесть, галльское жеманство,
Все наших было темою бесед.
Уж ложечкой звенел, спеша, сосед,
Пил громко чай и уходил на службу,
А мы рассматривали по Платону дружбу,
Опустошая общий наш кисет.
В дыму табачном смутно Гость мой плавал,
Горящий взор и нежных щек овал
Порой смущенье жуткое внушал,
И я готов был вскрикнуть: кто ты, дьявол?
Но с грустью он, кивнув мне, исчезал.

Я шел к обедне, плакал в тихом блеске
Угодных Лику тоненьких свечей, —
Но тот же скорбный взор встречал на фреске,
Не Иоаннов, нет, но знал я, чей, —
И наступало вдруг успокоенье.

Я шел по Летнему, покинув храм,
Когда возникло вдруг во мне решенье —
И сел на пароход на Валаам.
Взволнованно машины сердце билось,
Паломники в дырявых армяках,
Две дамы в трауре, судья, монах,
Трясин береговых и мхов унылость
И ветер свежий с Ладожского дул,
И густо плыли облака крутые.
Под говор я на палубе заснул
О паспорте, о пашне, о России.
Все обреченным стало; тускло тени
Рождали запах розы. Трудный вздох
Тоской меня наполнил, и заглох
Последний отблеск трепетных томлений.
Я знал, со мною милый кто-то рядом,
Но тяжких век не в силах был поднять
И встретиться с его горящим взглядом.
И вот вся теплая его кровать,
Слеза застлала взор, по телу дрожь...
В последний раз коротким поцелуем
Мы обменялись. Он подал мне нож,
Но я мучительно и сладостно волнуем,

Нож выронил – и вновь лобзанья, слезы.
Под дальний зов мечтательной свирели
Всходили мы по темным ступеням, –
Проходы, повороты, тесный храм,
Дыханьем полный ладана и розы.
Сияли свечи, ризы шелестели,
И радостно склонили мы колена.

Но дико заревела вдруг сирена,
Очнулся я на палубе. Рацею
Еще не кончил бритый адвокат
О том, что водка для народа яд,
Назвав Россию как бы вскользь своею,
И чисел тут привел почтенный ряд.

2

Последние подняли судно волны,
Машина стала, чинно мы сошли.
Серели ветхие строения вдали
Над чащей мелкорослой и безмолвной.
Все были молчаливы и покорны,
Был вверен чуждой воле каждый час.
Со звоном, я поднялся без усилия.
Послушники толпой проходят черной,
Везде кресты, скуфейки, грубых ряс
Подолы развеваются как крылья.
Окурен ладаном иконостас,
И сладко так стоять с надеждой робкой
В оцепененье, в чутком забытии.

А вышел я – березы, воробьи,
Столы простые с нищею похлебкой.

Прибрежные отлогие холмы
Я посетил под лепеты прибоя.

И в легкой лодке он причалил стоя.
Сошлись так просто и спокойно мы.

Он был меня нежнее и моложе.

Как часто, позже, – он, бывало, спит,
Кровавый сжав в руке александрит, –
К нему склонялся тайно я на ложе.

Такому лику чужды страх и стыд!

Такие кудри и румяный рот

И щек овал бывают у кокоток!

Но карий взор и прям и дивно кроток,
И сладостно меня к нему влечет.

Какие дни настали и недели!

Он пел, а я садился за рояль,

И, как наполненный вином хрусталь,

Весельем песни чувственным звенели.

Мы посещали вместе рестораны,

Где вся богема до утра толклась,

Где знали все его, и полупьяный

Он часто мне рассказывал про Вас.

Вы кажетесь мне старой в двадцать два,

Хотя пленительно и гибко тело,

От Вас незримо прелесть отлетела,

В объятьях Вы вздыхаете едва, –

И необычным я горю огнем.

Он выпил Вашу легкость, Вашу радость,
Но тайная мне в Вас открылась сладость,
Слова, движенья – все твердит о нем!
Мы миновали остров Голодай,
На веслах я, он с песней на руле.
Прозрачный с небом слился моря край,
Без рябины, в немом и мертвом штиле.
Все спало на военном корабле;
Неслись на Стрелку лишь автомобили,
И вкрадчив был ночной бестенный май.
Он смолк, и я в безбрежности эфира,
Спиной к нему, высматривал Кронштадт.
Уж к северу продвинулся закат,
И стало вдруг невесело и сыро.
Я вспомнил годы книг и отреченья, –
Так редко посещал теперь я храм.
Поднялась глухо скорбь к моим устам,
Запретные узнавшим наслажденья.
Вдруг слабый плеск, и словно оборвалось
Во мне родное что-то: он исчез!
На финском берегу купался лес,
В воде эфирной таял неба край.
«Прощай» я крикнул. Тихо отозвалось
Мне эхом жалостным: прощай, прощай!

НОСМЕУНА НОСМОСА

Косметика космоса, ты
Слоем золотистой пыли
Легла на обветшалые листы,
И ветер шелестит поблекшею бумагой.
Твои слова, как демоны сухие,
Застыли
За летаргическим стеклом.
Четыре стихии –
Воздух, огонь, земля, влага,
В едином множестве, одно во всем,
И в мире, радостью объятom,
Дух проросший плоти разрушенье,
И как последнее освобожденье,
Все разложивший, неделимый атом,
Все течет, все мгновенно,
Души томленье в чуждом теле,
И ты, возврата круг блаженный,
Круг повторений, ритм бессменный, –
Вы истлели!
С прекрасного таинственного Лика
Вы сходите, вчерашние румяна,
Для новых игр, шелков, румян.
С зарею так царица Береника
Окутала кудрями звездный стан,
Роняя плащ, как роза, рдяный.

Ты шепчешь, Демон вечных изменений,
Пророча юность навсегда,
Открывши мне слепительное «да»
В лунных чарах скользких отражений,
В весеннем плене,
В расточенье без счета.
Не всем ли, радостью гонимым
В желанной пристани ворота,
Дано быть ясным и неутомимым?

<1917>

Завтра

Ио орана Хина!

Гоген

Хрупкая Хина, раковина луны,
Все корни зыби и покоя
В тебе блаженно сплетены.
Ты – гул набухшего прибоя
Из мрака льдистой глубины,
Ты – тамариск душистый рано,
Ты – гладкое, гибкое тело
В сонных объятьях моих,
И ты в кудрях цветов шафрана.
Я – твой незаемный, слепительно белый
Источник сиянья.
Твой сумрак душно, сладостно затих,
Тебе не остудить смертельного пыланья.
Оранжевой, лиловой, голубую
Радугой умирая,
Я завтра не вдохну чужое,
А ты будешь всегда купать золотистые члены
В маленьком озере у подножия Пайа,
Ничего не зная, ничего не помня.
Но что мне
Твои измены?

Завтра заря не моя – чужая,
Осиянней не будет,
Когда прохлада вздохами разбудит
Твоего попугая,
Над морем голубым и ясным:
Одно сегодня мы зовем прекрасным!

<1918>

Влажность

Бывает, Леты сладки нам долины,
Зачатий влажность, мертвенность и жуть.
В студеность вод и в лихорадку тины
Всю солнечность отраднo окунуть.

В бесплодьe пыль пустынь томится жаждой,
Природа пламени суха, мертва,
Но ливнем облак пал, и в капле каждой
Рождаются живые существа.

Как все пленительно и томно в бане:
Горячий пар, бассейны и тела;
Из крана бьет струя, гремят лохани,
Стекают капли с потного стекла.

Порою отрока крылами тронет
Перед рассветом чуткий полусон.
Он в мути вод, захлебываясь, тонет,
А поутру и нежен и смущен.

<1916>

Сердце ночи

Ты ли, сердце, полное веселья,
Разбилось в кристаллы-комочки?
Все огнистей, осиянной
Радужные грани
Ярких звезд, видных в окно моей кельи.
В хрупкой оболочке
Любви ты билось,
И вот расплылось
В ледяном разреженном пространстве.
Ты забывалось в сладком постоянстве,
Верило с любовью,
Любило верно,
Вливалось биеньем, дыханьем, кровью
В сердце чужое,
А после в покое
Облака-рая,
На родной груди засыпая.

Сердце мое ночное,
Гонимая сворой серна,
Бьется четко и безнадежно.
Пустынна, безмерна,
Мятежна
Фосфорическая сыпь
Зияющего зева.

Кровавый щит Марса, мертвенность Рыб,
Охотник и Дева,
Как собрать и слить вас воедино
В тесный комочек
Сердца, жаркого рубина?

Из лопнувших почек
Слетает бессонный мотыль —
Огромное сердце ночи,
Роняя с крыльев серебряную пыль.
Что же, ты был светлей и кротче
И стал пустынным?
В сердце зóлотом винным
Намечен твой путь золотой!

Вставая с ложа ласк, Аврора
Шафранной рукой
Приподняла бледнеющего неба окрай.
Радуйся, скоро
Поблекнет звездный рой!
Осиянна голубизна,
И лишь одна
В поле золотом золотая звезда...
О сияй мне, сияй
Всегда, всегда!

<1918>

Морская пустыня

Громады ущелий,
Горячие скалы – вход в Аид.
Как волчья шкура, по камням сухая трава.
Солнце печет, пьянит, слепит,
Разлив лучей истому в теле.
Ветер вздохнет едва-едва,
А море плоское – там.
Шелест, шлепки, ропот, урчание, гам,
Разноголосые, все мятежней.
Из полой сердцевины
Раковины, зеркала радуг,
Знакомый голос легкий, прежний
Так сладок,
Но слаще, звонче, неизбежней
Забвение.
Не слово пленное – дуновение,
Легче паутины
Забвение.
В чаше сухих маслин
Звонок стрекот цикад.
Сзади белеют каймой стены Афин.
Пьяней, чем от крепких вин,
От крепкой тоски
Алкивиад.

«Прочь, помятые венки!
Слепые волны, вернитесь назад,
Время – назад!
Вся твоя мудрость, Сократ,
Забвение».
Бежит вдоль прибоя, пьяный и жалкий,
Разрывает плащ, упав на песок.
Волны разлетаются пылью у ног,
Лепечут, плещутся, шуршат,
Цикады верещат,
И – сладкое тление –
Смешали с йодом запах свой фиалки.

Тигель, реторты, маленький горн,
пожелтелые свитки,
Фальшивого золота слитки.
Сицилийский граф,
Маг, музыкант, кондотьер,
Бредит музыкой сфер,
В кресло упав.
На огне сопит и лопается пузырями
коричневый сплав,
Стекая в граненые флаконы.
Солнце малиновым диском,
Золотя спелые лимоны,
Прохладно в дымное золото село.
Огласила филомела
Рокотом, трелью, пискком
Рощи блаженный приют.

Кто мы, скитальцы?
Сколько лет, часов, минут
Цепко частицы этого тела –
Горло, мускулы, пальцы –
Будут держаться, одна другую питая?
Что для мертвых музыка рая?

<1917>

Рассвет

Словно тысячи тысяч стеклянных иголок
Ломались с шорохом и звоном,
И каждый радужный осколок
С живым сливался снова лоном,
Чтоб глухо зазвенеть опять,
Чуть всколыхнуться, засиять,

Уже утопая в взволнованном хоре,
В зеленой плесени отлива,
В пустыне зыбких плоскогорий,
Под легкий лепет, вздох счастливый,
Роняя волн косматых ткань
В эфирно радостную рань.

Шорох волн в нарастании длительном гула,
Песок с налетом влажной соли,
И море близко вдруг блеснуло
Сквозь листья лаковых магнолий.
Текуче – все. Покоя нет!
И, словно зарево побед,

Тысячи тысяч жемчужных скорлупок,
Упав на синь, зарозовели,
И ропот грозен, и шелест хрупок,
И сладострастно пухнут мели –
Чтоб в муке замереть на миг,
Из вод являя рдяный Лик.

<1918>

Отрывок

Из пúстыни, сожженной и знобимой
Бесовской, похотливой лихорадкой,
Бежал я ночью, тайно одержимый
Желанием коснуться жизни сладкой,
Как пояса или волос любимой.

Я поцеловал землю у городских ворот.
Свежий воздух прозрачной рани
Смешался с запахом гари, рыб и нечистот.
Изможденные женщины предместий
Выливали на улицу лохани
И развешивали на заборах белье.
Все было на прежнем месте,
Но все уже было не мое,
Десять лет
Искуса, молитв и бдений
Отделяли меня от конских побед,
Пирушек, стихов и праздничной лени,
Малиной пахнущих губ
И речи щебечущей, звонкой, картавой
Спутницы прелестной и лукавой.
Мой лик был темен, голос дик и груб,
И песни так пустынно величавы.

И только в сердце, радостном и кротком,
Иная с миром связь восстанавлилась.
Была ли это нежность или жалость?
Из рдяных зорь ему покров был соткан,
И сладко, отрекаясь, сердце сжалось.

Я сбросил истлевшую милоть,
Сменив ее на простое платье.
Казалось, в одно объятье
Заключил я солнечную плоть
И дух, подобный восковой свече,
Благословив и святость и грех,
И лилий белизну и золото павлина.
Послышались шаги и легкий смех
Женщины в лиловом плаще:
«Если ты носильщик, снеси корзины».
Я сказал: госпожа, я готов.
Воздух был прозрачен и звонок,
Веял холодом мрамор домов.
В нише голубей стерег котенок.
Пройдя колонн воздушный строй,
Вступили мы в прозрачный садик,
Где поливали дорожки фиалковой водой
И розы жались к ограде...

<1916>

Нас ужас вяжет сталью паутины,
Забыли мы о радостях земли.
Буравят высь бескрылые машины,
И мясом пушечным полки легли.

Но павшие под одурь трескотни,
К земле пришибленные черным градом –
Что в миг последний обрели они –
Свой рай, кафешантан с открытым садом,

Ночь без зари иль в сладостных мечтах,
Где голос нежен, а стихии хрупки,
Герой воскреснет и убудет страх
И пир картонные запенит кубки?

Наш рок и труден и туманен,
И свежей далью дух пленен,
Неутомимый англичанин,
Тебя любил я, Робинзон.
Беспечно все мы уплываем
До света в розовый туман
И вольной грудью разрезаем
В соленых брызгах океан,
Но берег дик, необитаем,
И видим мы в пустыне лет
Все ту же неба синь, и дюны,
И волн зеленый караван,
Порой обломки мертвой шхуны, –
А в Англию возврата нет,
Виденья все неуловимы,
И к зову дальний парус глух.
В тревогах закалится дух
Упрямый и неутомимый.
И только детства призрак нежный,
На Темзе вечер золотой
В твой сон безгрезный и мятежный
Вплетется сладостно порой.

<1917>

Из сборника

Париж, 1959

МИХАИЛ ЛОПАТТО

С Т И Х И

PARIS

1959

ᛞ NYTU

Города проплывают в тумане –
Золотистые арки и башни.
По холмам между лестниц и зданий
Виноградники, рощи и пашни.

Понемногу сгущается вечер.
Не грусти! в синеве за горами
Ждет усталого путника встреча
После долгой разлуки с друзьями.

<1952>

Весна в горах

Кукушка за холмом кукует.
Прошли снега, дожди, циклоны,
Зазеленели нежно склоны,
И непокорно мысль кочует.

Там за холмами – воздух синий,
А за равниной – море, волны,
Весь мир, движеньем жизни полный,
Долины, реки, Аппенины.

Охвачен путник новой дрожью
Предчувствий светлых и счастливых,
Благословляет землю Божью,
И облака, и гнезда в ивах.

<1956>

Как встарь, о жизни быстро тающей
Люблю я в сумерки грустить.
Мечтаю, словно утопающий,
Спасаясь, по-новому зажить.

Как скопидомы-собиратели,
Мы в ящик мира не запрем.
Одни бездомные мечтатели
Везде находят отчий дом.

Восторг и нежное волнение
Не просветляют гордеца,
Но перед смертью примирение
Нисходит в кроткие сердца.

В теснине войн, в пути, в изгнании
Я веры бодрой не терял.
Я видел ангелов в сиянии
И каждый день благословлял.

<1952>

От прежних дней – пустыни сладкой,
Что сохранил стыдливо ты?
Немного в сердце теплоты,
Портрет поблекший, да закладкой
Давно засохшие цветы.

Дни тают, словно дуновенье,
Друзья редуют что ни год,
И одиночество растет.
Но вечно каждое мгновенье,
Все, что трепещет и цветет.

Преодолей свои печали,
Болезнь, разлуку, темный труд.
В тебе ушедшие живут.
Сияют солнечные дали
И обещают и зовут.

<1952>

Уличные стихи

Я вздрогнул, встретив на витрине
Рекламной радости слова.
Блеснул наклонно купол синий
И отразилась голова.

Звонок прозвякает ненужный,
Кровь хлынет в мозг, в ушах звеня.
Но ты над ниткою жемчужной
Уже забыла про меня.

Мне не припомнить, стоя рядом,
Где мы встречались и когда.
И, обменявшись быстрым взглядом,
Мы разошлись навсегда.

<1920>

Полет

Повисла жужжащая птица.
Недвижна эфирная стужа,
И море, как мертвая лужа,
В пустынное небо глядится.

Земля – отвлеченная схема.
Нет радости дикой полета.
Здесь люди – безличные кто-то –
Растеряны, жалки и немые.

Стрекочет биением сердца
Минутная стрелка столетий.
Порвать бы тоскливые сети,
Вернуться на землю, согреться!

<1952>

О формы хрупкие руки,
Прозренья кротости в морщине!
Как нежно радостны, легки
Соединенья чутких линий!

Одна – доверие судьбе,
А в этой пленено пространство.
Моя рука, есть на тебе
Упрямство и непостоянство.

Печаль – случайна. Разожмешь
Ладонь – стирается унынье,
И лень, и ложь, и злобы дрожь,
И обольщение павлинье.

Мне сладко вместо дневника
Иметь попутчика такого.
Но выдает моя рука,
Чего назвать не смеет слово.

<1920>

Ни звезд, ни звука. Воздух влажный
Дохнет порой из темной чащи.
Лес полон жизни шелестящей,
Ползучей, робкой и отважной.

Покинул зверь свою берлогу,
И гриб встает, взрывая хвою.
К любовному готовясь бою,
Выходит жаба на дорогу.

Скользит змея; на лапах ели
Притихла белка осторожно.
Гроза надвинулась тревожно,
Застыв в угаре серной прели.

Спешит к ночлегу путник редкий,
Расставшись вдруг с мечтою нежной:
Как призрак смерти неизбежной,
Сорвалась птица с черной ветки.

<1959>

Я дни берег ревниво, как червонцы,
Часы, минуты – темный скопидом!
Ловец глубин чужих, забыв про солнце,
Живую душу проверял стихом.

Я думал жить, весь мир преображая
Усиьем воли, мысли остротой.
Гармония мне снилась неземная,
Сиял бесплотно лик любви большой.

Игрок за полночь ставок не считает,
Не веря счастьем и не в силах встать.
Как смутен дух! Как дни безумно тают!
А я готовлюсь, все хочу начать.

<1932>

Звериный зов

Уйти б на волю в ночь из клетки душной,
Бродить бесцельно между хвой и скал,
И чтобы дождь, отвесный и воздушный,
Как слезы счастья по лицу стекал.

Бежать из комнат людных без оглядки,
Забиться, все забыть и все посметь,
Покинуть зыбкий плен и шаткий,
На воле петь и вольным умереть.

<1956>

DECHU

Чуть звезда блеснет над чашей,
Приходи ты на поляну.
Я костер зажгу и стану
Говорить, что всех ты слаще,

Что твои глаза – зарницы,
Что твой голос – наважденье.
Сердце будет в исступленья
Замирать и снова биться.

Приходи, я изнываю!
Мы притихнем, словно тени.
Обниму твои колени,
Зацелую, заласкаю.

На заре ты встрепенешься,
Лишь проснутся птицы в чаше.
Будет сердце биться чаще:
Ты уйдешь и не вернешься.

<1941>

Ты мне волосы ласкаешь,
Завиваешь, теребишь.
Что прошу, все обещаешь,
Быть печальным не велишь.

Но в глазах твоих – измена,
Лжет мне голос твой грудной.
От объятий, как из плена,
Рвешься ты к любви иной.

Есть и у меня другая,
Мне верна, меня все ждет,
Золотая, дорогая
Бродит у моих ворот.

Не могу любить другую,
Знаю сам, что ты пуста,
И без памяти целую
Эти лживые уста.

<1943>

Мы живем на отлете, как птицы.
Эта жизнь – небывалый провал.
Что другим не прощалось, простится
Тем, кто душу за ближних отдал.

Не вернуться мне к ясности прежней,
Не увидеть родные края.
Но чем дни впереди безнадежней,
Тем хмельнее влюбленность моя.

И в кого я влюблен, сам не знаю:
В окрыленную радость, в тебя ль.
Ничего не найдя, все теряю,
Все люблю, ничего мне не жаль.

Если смерть разлучит нас с тобою,
По ушедшему ты не грусти.
Если сердце пленится другою,
Ты беспутного друга прости.

Он не бегал от счастья и боли,
Но подолгу зажиться не мог,
Очарованный дикою волей
В неизвестность ведущих дорог.

<1943>

Роза

Тех дней, тех песен выдохся угар,
Влюбленный бред, вино, ожог мороза.
Иных щедрот исполнен дух и чар.
Сухая выпала из книги роза,
Чтоб в сердце вновь вдохнуть предчувствий жар,
Чтоб томная в нем процвела заноза,
Чтоб труд унылый встретить, словно дар.
Блаженно все: задор, и хмель, и поза
Тех дней!

Тех смуглых солнц на лепестках загар
Поблек в дыханье гробного хлороза.
Подносит время всем цикуты взвар.
Что в ней открылось вдруг: упрек, угроза
Иль облик легкий, как зарею пар,
Тех дней?

<1921>

Отраженье блаженного жара –
На усопшем лице поцелуй.
В наплывании ватного пара,
В ледяном лепетании струй.
Опьяненье исход всем печалям.
Утомленно смежается взор.
В очарованной лодке отчалим,
Рассекая астральность озер.
И слияний смертельных пустыни,
И сверкание лунных чешуй,
Все потеряно в звоне и сини.
В преломленьи глубин – поцелуй.

<1923>

Что осталось мне делать на свете,
Разве только свой век доживать?
Ночь тиха. Я очнусь на рассвете,
Но как прежде мне уж не певать.

Выйду молча на луг я росистый
Заревой улыбнуться звезде,
Побродить по тропинке лесистой,
Пошептать шелковистой воде.

И шемит мое сердце желанье:
Перед тем, как отправиться в путь,
Среди милых теней на прощанье
Посидеть, помолчать, отдохнуть.

<1953>

Пройди холмы цветущие, мечтая.
С тобою буду я одна в пути.
Я жду тебя. Луна взошла большая,
Тропинку сможешь ты легко найти.

Я не зажгла свечи в окне прихожей.
Вокруг меня летают светлячки.
В тени узнаю я тебя по дрожи
Правдивой, властной и родной руки.

Пройди холмы, чуть слышно напевая
Ту песню, что сложил ты для меня.
Я жду тебя, все о тебе мечтая.
Приди один, без друга и коня.

<1954>

Поймешь ли, чем она жива,
Как зарождается,
В какие новые слова
Любовь слагается?

Лишь взор один, тревожно мил,
Случайно встретится,
И все, что долго ты таил,
В тебе засветится.

Уж тонут будни и года
Борьбы безрадостной,
И всходит утренне звезда
Той встречи сладостной.

<1927>

Альмавива

Небо пустынно бледнеет
Меж золотеющих крыш.
Свежестью в улицах веет.
Друг, неужели ты спишь?

Робко гитара томится,
Шепчет: «Розина!» мой рот.
Уж пробуждаются птицы,
Солнце румяно встает.

Солнца другого не надо!
Там, за окошком, мой рай.
Выйди и жаркой отрадой
В небе пустом засияй!

<1925>

Не поза и не любованье,
Но лишь прозрачная печаль.
В душе есть тайное дрожанье,
Как в песне, все чего-то жаль.

Два-три стиха, не слов потоки,
Мои, быть может, не умрут,
Но сарт иль чукча косоокий
Их переливов не поймут.

Очарованье есть в паденье,
И мы, последние из бар,
Мы пили нежное томленье,
Забав предгибельных отвар.

Но мы же встали над землею
Распыленной в чаду, в крови,
И с обновленную душою
Мы бодро в жизнь, как в бой, пошли.

Мир жив, ночь сладострастно дышит,
А утро жадно ждет других.
Но нет, никто уж не услышит
Стихов пленительных таких!

<1927>

Ночь

Моих стихов за трелью плещет трель.
В окне раскрытом – ночь и звезд лампадки.
Я Вам пишу, вдыхая воздух сладкий,
Холмов нагретых днем и гарь и прель
Под птичий свист и ржавых жаб сопель.

Мое рондо и резвая газель
Вам скажут на упрек в больном упадке,
Что рвется радость, словно солнце в щель
Моих стихов.

Весь мир здесь рядом в смуте лихорадки.
В кофейнях – свет, игрок уж сел на мель,
Стыдясь, любовники спешат в постель.
Ночь входит в комнату, душисты грядки.
Рокошет, ропщет и журчит свирель
Моих стихов.

<1920>

ÞYÐÆM

Радио

Для нас в эфирных волнах голос пел
О нежности воздушной и условной.
Притихла ночь в условности любовной.
В окне по листьям теплый дождь шумел.

Ты не смеялась больше, вдруг застыв
И кутаясь в накидку сиротливо.
Мы сблизились беспечно, торопливо
О таинстве сближения забыв.

То песня или дождь смутили нас?
Сознание, что дальше – невозможно,
Что в жизни нашей все смешно и ложно?
Иль, может, мы любили в первый раз?

Дождь лил, все лил на листья и цветы,
И мы в окне стояли молча рядом.
И вся преобразясь, счастливым взглядом
На обновленный мир смотрела ты.

<1946>

Чем дорог я тебе? Ни дутой славы,
Ни денег не принес тебе я в дар.
Когда все жаждет лишь густой отравы,
Не я введу тебя, глуша, в угар.
Пусть варвары сотрут мои октавы
Как заклинания враждебных чар.
Во мне все стройно, сладостно и ясно,
И жизнь проходит мимо так напрасно!

Мир втянут в зыбь воронкою сомнений,
Рефлекс и зуд стоят в углу всех схем.
И никому среди новых поколений
Не будет дорог блеск моих поэм,
Но через годы оживет мой гений
В иных устах и станет внятен всем.
Тогда и ты, о только призрак, имя,
Заговоришь словами вновь живыми.

<1925>

Вокруг – стена волшебного тумана.
Я выключил мотор, затормозил.
Плестись так наощупь нет больше сил.
Закурим, постоим, еще так рано.

Исчезли горы в ватной оболочке.
Вода стекает меж камней, журча.
Плечу тепло от твоего плеча.
Весною пахнут синие цветочки.

И тонкий звон серебряной campany,
И дух полей, и воркованье струй...
И ты и я – мы пленники тумана.
Как сладок был наш долгий поцелуй!

<1933>

Густых, воздушных, золотистых,
Как пленной нежности ручей,
Сухих и томно шелковистых
И пахнущих весной кудрей,
Как теплых волн, меня касанье
Втянуло сладостно на дно.
В орбиту лунного сиянья
Дыханье розы вплетено,
И вин шипучих горькой пеной,
Не утоляя, полумгла
Весельем, кротостью, изменой
Меня смутила и зажгла.
Дрожали пальцы, развивая,
Как золотые кольца змей,
Как нимб бессолнечного рая,
Фиалок россыпь и кудрей.

<1920>

В несовершенстве вялых линий,
Как пар и тень, ползет озноб,
И в гаснущей, в поникшей сини
Гнездится цепких мук микроб.

И все, что было в нас наносным,
Что не хотело просверкать,
Томленьем тягостным и косным
Из пор земли взошло опять.

Казалось, вот сорвется слово,
Побег проросший жуть весны...
Созвучьем имени святого
Уста немые сожжены.

Мы чуда целый день прождали
И вдруг осиротели мы.
В молочно-мутной, зябкой дали
Застыли лунные холмы.

В долине сыпь огней желтеет,
Но сумрак ватный синь и тих.
И сердце хочет и не смеет
Сказать, что чудо – в нас самих.

<1920>

Две тени мы души одной,
Томим друг друга и тревожим.
Как сумрак твой и хмель и зной
На четкий день мой не похожи!
Мне сладок пестрый порта гул,
Блеск солнца, шорох толп на пьядце,
И в жизни сдержанный разгул
Люблю я мирно погружаться.
Люблю друзей, мой кабачок,
Прогулки в гондоле на Лидо.
Мне раздвоенный чужд клубок,
Где нежность спутана с обидой.
Порою лишь твой мутный срыв
Влечет меня и, очарован,
Над краем острых скал застыв,
Я взглядом к пропасти прикован.
Я жду, что хлынет вот в меня
Весь хаос, вызванный тобою.
Но в свете брезжущего дня
Ты вновь становишься дневною.
И сухо я прошусь с тобой,
Твоим терзаем тайно жалом,
Чтоб долго в гондоле сырой
Скитаться по кривым каналам.

<1922>

Мечта моя в загробном мире
Не топей тинистых забвенья,
Не гимнов, тающих в эфире —
Ждет робко только просветленья.

Жить, каждый миг благославляя,
Здесь не дано, но за чертою
Все в памяти пусть воскресая,
Пройдет воздушною толпою.

Пусть солнце, как и здесь, засветит,
Живя живое и колдуя,
И все, что не успел заметить
Тут на земле, там полюблю я.

И ты, прождавшая года
Нежнейших слов, больших признаний,
С каким восторгом в ясной рани
Все, все скажу тебе тогда!

Ты мне поверишь, и заслоны
Тогда падут перед Одним,
И незаконные законы
Любви ничем не затемним.

<1933>

Пейзаж

– Что твой взор различает вдали?
– Сквозь туман, вижу я, корабли
Покидают покой и уют,
В незнакомые страны зовут.
– Обольстительны ложные сны,
Нету сладостней нашей страны.
Что ты видишь в тумане еще?
– Я твое только вижу плечо.
Заслоняет оно корабли
И колонны развалин вдали.
– Дни бегут, не мечтай, но живи.
Что прекраснее нашей любви?
Всем уплывшим в обманный туман
Не вернуться из прибыльных стран.

<1954>

ΨΥΧΕΡΘΗ

Николаю Бахтину

Теперь я больше не поэт,
Забыл печать, молчу в салоне,
Живу на скромной Пьер Капони.
Я не совсем бродяга, нет,
Я, с позволенья, чичероне.

Кормлюсь за мертвых счет веков,
Живыми не пренебрегая.
Все знаю – церковь где какая,
И в мир – музей ввести готов
За лиры Тиция и Кая.

Я ремеслу такому рад,
Срывая розы на могиле:
Сади знал толк в дорожной пыли,
Как бабка, повивал Сократ
И чичероне был Вергилий.

<1924>

Интервю в Берлине

Вагон вдруг лопнул, из дверей потек,
Киша прыщами, гной лежалых чучел.
Меж судорог утроб и наглых ног
Брюхач сигарой глаз линючий пучил.

Одеколонных лун лимонный тон,
Смесь блеклой пакли, кролика и шелка.
Работая локтями в унисон,
Не различишь, кто шведка, кто креолка.

Представить в жирной жиже можно ль Вас,
Кто жаром райской просиял мне птицы?
О если б поезд вздумал с пьяных глаз
Лететь вовсю, вдруг наскочить, разбиться!

<1923>

Пуста амфора Афродиты.
Здесь нежностью никто не пьян.
Лишь запах острый и забытый
Тревожит похоть парижан.

Лишь торопливым поцелуем
Сближаются на день, на час.
Интригой дерзкой не волнуем
Сухой, расчетливый Ловлас.

Поэты здесь профессионалы,
А дружба ценится как чек.
Природа ли являть устала
Иль в денди замер человек,

От Буа до Лувра – все пространство,
А время – мертвый капитал.
В непостоянстве постоянство,
И старость – тухлый идеал.

Уж темных, цвета глаз, фиалок
Рантье кокотке не дарит.
В автомобиле сир и жалок
Одутловатый сибарит.

И редко в строй скупой и плоский
Вплетается восторгов сеть,
Чтоб с дряхлой грустью замереть
В устах волшебницы Милосской.

<1920>

В Париже

Шторы гремят. В барах тушат огни.
Запоздалые гости, в углу мы одни.

К очам мечтательным прикован, гляжу.
Плавает льдинка в золотистом Анжу.

Что за встреча! По смеху дико скользя,
Опустошенной нам быть нельзя.

Пойдем к тебе. Стол, шкаф и кровать.
В клетке подобной нельзя не мечтать.

Убьем: долг, нежность, отчаянье, страсть.
Все ниже и ниже должны мы упасть.

Нам жутко и сладко. потушим огни.
В разгромленном мире теперь мы одни.

<1923>

Успех

Как нелегко рукою хрупкой
Схватить фортуны колесо!
То счастье мне шуршало юбкой,
Нахлынув ливнем в парк Монсо.

Все пред грозою побежало:
Подростки, няньки, сторожа.
Но сердце пело и сияло,
В избытке радости дрожа.

Какая легкая свобода
Звездю денежной течет
По небу банковского свода:
Презренный и блаженный счет!

Жизнь – лотерея. Номер вышел,
Пьянит нулей шипучий хмель.
Взорвался, грохнул гром по крыше,
Как бесшабашная шрапнель.

<1923>

Путешествие в Италию

Дым паровозов мне мил, как весна.
Летим вдоль Сены, заря ясна.

Я опускаю широкое стекло.
На том берегу сады Фонтенбло.

Первые звезды, первые огни.
Затихни, сердце, не бейся, усни.

Наутро Модана – только б дожить.
Раскрыл газету, но нет, лучше пить.

Иду в сияющий вагон-ресторан,
Иду обратно, воздушен и пьян.

Версингеторикс. Утренний чай.
Франции нежной земля, прощай!

<1923>

Порт Венере

Тот полдень в памяти не стерт,
Когда, оставив пальмы парка
И съесту Специи нежаркой,
Мы плыли на Венерин порт.
Проливы, заводи, отроги
Холмистых выжженных пустынь,
Дрожащих далее зной и синь
И щебень вьющейся дороги.
Ты помнишь гладких скал откос,
Развалин плиты и площадки,
Грот неуютный, отдых сладкий
И на кладбище рыжих коз?
Цепь лестниц легких и счастливых,
Из смуглых рук воды стакан,
Над морем белый ресторан
И стаю рыб внизу пугливых?
Как мы на катер заспешили,
Канат отвязан, рев, толчок.
Уж в колыханье винной пыли
Тускнел рыбачий островок.
Нам пленную прорезал тень
Маяк планеты, суверен.
Проходит все. Но был Венерин
Тот пестрый и бездомный день.

<1923>

Лунгарно

Пред завтраком толпа пестрит
Вдоль Арно, медленной прогулкой
Весенний будит аппетит,
И полдень встречен пушкой гулкой.

Февральский воздух свеж и прян,
Рука рукой у локтя сжата.
Жужжа, слетает звон кампан
С холмов зеленых Сан Миниато.

Куда мы денемся с тобой?
В твоей петлице вянет роза,
И ослепляет синевой
Оснеженная Вальомброза.

<1920>

Палаццо Веккио

Поставив сбоку башню Синьории,
Прозрел Арнольфо дерзкий идеал,
Прекрасного нарушил симметрию
И новый зодчества канон создал.

Под аркой лоджии Персей Челлини
Лоснится медно, выхолен и пуст,
И мрамор групп в изломе сытых линий
Сближением разбужен наших уст.

Лишь то, что неожиданно, нам сладко.
Из-за палаццо выплыла луна.
Не все в любви, как этот мрамор, гладко,
Но, безрассудная, милей она.

Не симметрично любим мы и зыбко:
Сближенья нежные после обид.
Но бледная пьянит мой дух улыбка,
И сердце, счастья полное, дрожит.

<1924>

Флоренция

Молитв Беато, трепетных икон,
И рук и крыльев, онемевших свято,
Пыланьем вечер золотой сожжен,
И в огненной пыли полотн заката
Дрожит и рдеет серебристый звон.

Над гущей улиц тенистой и сжатой
Созвучьем легких башен повторен
Дух нежности пронзенной и крылатой
Молитв Беато.

Мелеет день, но мглистый медлит сон.
В прозрачности холмов голубоватой
Проходит хор бесполох, кротких жен,
Припухлых, розовых и тепловатых.
И тайной прелести исполнен он
Молитв Беато.

<1920>

Я не пишу теперь стихов беспечных.
Не разрешив практических задач
И отложивши ряд ненужных вечных,
Бездумно я брожу в прохладе дач,
В тени садов приморских и приречных.

На розовом песке играю в мяч
У Адриатики зелено-млечной.
Оранжев парус, ветра вздох горяч.
Я не пишу.

Мне странным кажется притворный плач,
Ужимки лирики и чувств увечных
И вывих разложений бесконечных.
И чтобы рифма утлая без встречных
Не рвалась по волне за лодкой вскачь,
Я не пишу.

<1920>

Венеция

О незнакомые салоны,
Куда вас вводят первый раз!
Из всех углов тайком влюблено
Косится на хозяйку глаз.

Дымится кофе, лампы глухо
Горят меж чашек и гвоздик,
И друг нашептывает в ухо
Чуть переперченный дневник.

Ах, в сердце жизни есть запасы,
Остроты рвутся с языка,
А геммы, кружева, атласы
Кружат мне голову слегка.

Окно раскрыто на каналы,
Дрожит бродячий гондол свет,
И баркароле запоздалой
Гитары вторит жаркий бред.

Чудесно все, что незнакомо,
В любви мы любим узнавать.
И трепет пальцев, жар, истома
Привычкою не могут стать.

Взгляд любопытный не устанет
В чужих глазах искать до дна,
И рот целованный не вянет,
Лишь обновляясь, как луна.

<1920>

Голубки Марка, вечер осиян,
С кампаной слился робко вальс под аркой.
Ложится солнце в сеть каналов жарко.
Окрай лагуны плоской сиз и рдян.
Насмешница, и ты – голубка Марка.

Все тот же он – задор венециан,
Дворцов линиялых плесень, рис, пулярка,
Абат-атей, родосского стакан,
Голубки Марка.

Но полночь уж. Сгорели без огарка
Гитары, маски, жирный лоск румян,
Вся в пестрых платьях золотая барка.
Стал шалью черной радужный тюльпан.
Но рокот ваш как радостный пеан,
Голубки Марка!

<1920>

Байрон в Венеции

Кто так надменно, так покорно,
Так упоительно любя,
Сквозь гамму ласк и примирений,
Обид и долгих опьянений,
Тереза, нежный, хищный, вздорный,
Другой кто мог вести тебя?

Где блеск другой, на мой похожий?
Мой хмель и жар, моя любовь
Создали профиль злой камен,
И эти локоны у шеи,
И мушку в матовости кожи,
И чуть приподнятую бровь.

<1927>

Густое черное вино
Прилило к щекам терпким жаром.
Мне ненавистно казино,
Скитание по ярким барам.

В тебе есть странная черта,
Противочувствий дрожь и сила.
Мучительно вдруг складка рта
Небесный облик исказила.

Пойдем на воздух, ты бледна
От карт и давки, ламп и дыма.
Смотри: лагунная луна
Влияньем древних чар томима.

Лепечет плоско у крыльца
Волна отрады запоздалой,
И хрипло окрики гребца
Несутся в темные каналы.

Мосты горбятся, фонари
Тускнеют, и набухло платье.
Тоскливо тени ждут зари
В угаре хилого зачатья.

Я стал блаженно нем и тих,
И словно растворилось тело,
Волос каштановых твоих
Рука коснуться не посмела.

<1920>

Город

Ты – эхо душ, ты – сердце карнавала,
Кристалл столетий, в неизвестность нить.
Нагорного достигнув перевала,
В тебя смотрюсь, чтоб мир в себе открыть.

Осколки буйства, воли и гармоний,
Скрещенье рас, узлы святых судеб,
Пустынный храм и огненный вертеп,
И все тщеты измеривший Петроний.

Лепные призраки безумств Бернини,
К забвению фонтанов пыль зовет,
И над раскопкой тень от круглых пиний.
Но город новый уж вокруг встает
В упрямом сдвиге плоскостей и линий.

<1925>

Предутренный бодрит нас холод.
Мы, как солдаты, будим Рим,
Шагая в такт по мостовым.
Нет, старый мир чертовски молод!
Порой с гитарою под мышкой
Пройдет компания гуляк,
И гармонирует синяк
На лбу с растерзанной манишкой.
Как пахнут лужи переулка
Вином и пылью дождевой!
Каскады Треви за стеной
Спешат и, ширясь, плещут гулко.
На площади, на перепутке –
Тень обелиска от луны.
Кровавой славы нежа сны,
Сквозит скелет развалин жуткий.
Но будь кем хочешь – денди, вором
Иль просто другом кабачка –
Жизнь радостна, хмельна, крепка
Тем, кто зарей идет на форум.

<1923>

Отель, два бара, банк, антикитэ
И дыма над Везувием воронка.
Гора как мамонт, снящийся ребенку,
В морщинистой дебелой наготе.
Решетка сада, пальмы, Антиной,
Трескучий говор, рев рожков, трамваи,
И фиг лотки, и море за стеной.
Я понемногу робко вспоминаю:
Здесь проходил я в этот ранний час –
Когда? В Неаполе ведь я впервые!
Здесь останавливался много раз,
Воспоминанья вспомнив круговые.
О счастье! Я еще увижу вас,
Здесь путником бредя счастливым,
И море с тихо плещущим приливом,
Везувий, бронзу, пальмы, улиц чад.
И вновь мне приоткроется круженье
Миров и сладостный всего возврат,
Чтоб воплотиться через миг в забвенье
И так блуждать под солнцем наугад.

<1924>

Брег галерей

О перебой тревожных излучений,
Неутоленных теней пестрый гам!
Со всех сторон назойливо из рам
Здесь гения оспаривает гений.
Здесь пьяный Рубенс рядом с фра Беато,
Легчайший Липпи, темный Тициан.
Зевак приплывших из далеких стран
Стада, всегда спешащие куда-то.

Уйдем скорей! есть храмы и часовни
Лепящихся по кручам деревень.
Послушаем орган, присевши в тень.
Мадонна кротче, отрок здесь любовней.
Тогда как отзвук стонущий хорала
Тех, кто забвенью жаждал одолеть,
Готвя тайне хрупкой формы сеть,
Прорвется жалоба, что жизни – мало.

<1923>

СОНАТИНЫ

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино.

Пушкин

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино.
Льдистой сковано струею,
Рои искр рождает дно.
Ум мой ясен, мне не спится,
Заплыла, дрожа, свеча.
Полночь бьют часы ворча.
Гость за стол ко мне садится.
И рукой слегка дрожащей
Гостю рюмку я налью.
Сердце радостней и чаще
В грудь колотится мою.

Кто ты, чьею вызван силой
К жизни из небытия?
Что таишь ты от меня,
Призрак женственный и милый?
Гибель, счастье ли, измены –
Что пророчишь мне без слов?
Острой бритвой вскрыть ли вены
Ложной жизни ты готов?

Иль на запах наслажденья
Рвешься, памятью смущен,
Волей злой осилив сон
Фосфорического тленья?
Если ты забвеньем мучим,
Брат мой милый и двойник,
Пусть причастье струй шипучих
Жизнь в тебя вдохнет на миг!

Но свеча уж догорает,
Блекнет ночь, поет петух.
Тайный гость мой исчезает,
Грустен, женственен и глух.
Тих весь дом, любви звездой
Вдруг волшебю зажжено,
Брызжет, пенясь предо мною,
В рюмке светлое вино.

<1923>

Весел и ясен твой дух.
Чем же смутился ты вдруг?

Малостью ранен какой?
Жалостью, негой, тоской?

Слишком темна и тепла
Эта тревожная мгла?

Или владеет тобой
Ропщущий вечно прибой?

Гулом и плеском волны
Сонные уши полны.

Мы ночевали у вод.
Слышишь, цикада поет.

В зеленоватую рань
Легок и радостен встань.

С лепетом трав и ветвей
Трепет предчувствия слей.

Видишь, из мертвенных вод
Солнце медяно встает.

<1921>

Охотник

За окном туман как вата.
Прожит день, еще один.
Старый друг мой, пес лохматый,
Щурит взор свой на камин.
Оба дремлем, оба знаем
Все, что в жизни знать дано.
Не смутим напрасным лаем
Тишины. Ведь все равно
Распадется в жар полено,
Тени лягут на портрет,
И до ранних звезд из плена
Нам не вырваться на свет.
В полусне перебираю
Каждый месяц, каждый день,
Об ушедших вспоминаю,
О тебе, родная тень.

Завывала в поле вьюга,
Стекла вздрагивали туго,
Мы сходились на пиры.
Как дышали розы югом,
Как нас нежили ковры!
Вырез бархатного платья,
Кожа матовая плеч.

Поцелуй и объятия
И замедленная речь.

Обнимала, целовала –
Счастье было навсегда –
И потерянно шептала
Ослепительное «да».
Где ты, друг незаменимый,
Твой смешливый карий взор?
Голос твой умолк любимый,
Опустел мой дом и двор.

Стало вдруг холодновато.
Тускнет пепельный камин.
Спи и ты, мой пес лохматый,
Как уснет твой господин.
Но чуть солнце в щель проглянет,
Пес разгонит лень мою.
За рукав с постели тянет,
То бросается к ружью...
Вся в нежданности охота.
Уж пастух выводит скот.
Облака, леса, болота,
Буйный выводка полет.
Мы пройдем по бездорожью.
Только спустимся с крыльца,
Дрожью счастья, жизни дрожью
Наполняются сердца.

<1958>

Луна на вилле

Эфирной стужи
Свирельны трели.
Фиалок запах –
Каймы террас.
Зеркальны лужи.
Заиндевели
Олив курчавых
Сухие листья.
Чернь кипариса
Над кубом зданья
Томит, томясь.

Твой голос дрогнул.
Каким желаньем?
Открой балкон.
Все серебристей
Вдоль при дороге
Кусты нарциссов
И анемон.
Тускнеют ромбы
Полей чернильных.
Озябшим нимбом,
Ртутью пыльной

Валы взволненных
Холмов жужжат.

Уступы сини.
Лощины мглисты.
Заворожено
Застыл в пустыне
Стеклянный взгляд.
Ни слов, ни свиста,
Ни сдвига линий,
Ни поцелуя.
Восторг Дианин –
Холодный жар.
Твой голос странен
И полн, тоскуя,
Летейских чар.

<1923>

Сны

Я верил ясно, что вы живы,
Что слух о вашей смерти – вздор.
Ваш локон бледный и счастливый,
Прекрасный рот и синий взор
Без удивления я встретил,
Благославляя ваш приход, –
Лишь вскользь отчетливо заметил,
Что комната темна, как грот,
В гостинице пустой, убогой,
Что дождь шумел и в окна бил.
Но накопилось слов так много,
Что я встревоженно спешил.

Мы шли потом во тьме по молу.
Чернела рябью моря гладь.
Мне странно было локоть голый
Рукой озябшей пожимать.
Я в очертаньях видел милых
Смушенья тень, я слышал стон,
И вдруг я понял, что не в силах
Вернуть вам жизни легкий сон.

Лишь редко в полночи слепые
Воскреснет облик ваш во мне.

По-детски плакал я впервые
Не наяву и не во сне.
Заокеанский пароход
Скользил, светясь во мгле лиловой,
Как призрачный Харона плот.
И в мире мертвом одинок
Я заслонить тоской суровой
Глубин отчаянья не мог.

<1923>

За кисейной занавеской
Лампа синяя сияла.
С книжкой на коленях в детской
В ожиданье милой мамы
Робко девочка мечтала
Об огнях и платьях бала,
Забывая о метели,
Что по трубам завывала.
Наверху играли гаммы,
Сани по снегу скрипели,
Бубенцы в дуге звенели.

Быстро сутолокой стройной
Дни сменялись в сладкой лени,
В тишине, тепле, веселье.
Ангел светлый сновидений
Ночью реял над постелью...
Стало в мире беспокойней.

Быстро годы пролетели.
Где та девочка, жива ли?
Вижу светлые косицы,
Вазу, ноты у рояля.
Или все мне только снится?

Быстро годы пролетели,
Иссушили дух печали,
Запорошили метели.
Где тепло родных объятий?
Лампа тухнет, песни спеты,
Жизнь моя уж на закате...
Ангел мой крылатый, где ты?

<1953>

Мелькание

Комфорт опрятной томной люкс-кабины,
Огни салона, скрипки, табльдот.
Оголены для корчи плоско спины,
Оркестр угарен, виски горло жжет.
С рассветом – фрак, цилиндр и берег Сены,
В трущобе бедный друг Люси забыт,
На бирже паника, купе летит,
Долларов пачки, легкие изменения
И ты, искусственный и тошный рай,
Полграмма зелья, путь ночной к химере,
Где пустырем земли очерчен край.
Фальшивый чек, спасительница Мери,
И кактус Фиджи, красный попугай,
И джонка в зыби голубой Шанхая:
Туда бы нам, где жизнь, как тихий сад!
Но фильм капризен, и в пустой квадрат
Летим по чьей-то воле, забывая,
Не находя себя, теряя нить:
Все некогда собраться, уяснить.
Под рев и вой и барабан гудящий,
Глотая искры вин – смешно любить!
Но гибель упоительна, и вот
Тоска утраченного «я» все слаще
И дух захвачен спешкою: вперед!

<1924>

FAZEANI

На голых сучьях, как хлопья снега, цветет миндаль.
Ручьи набухли, скрипит телега, цветет миндаль.

Утишен лаской дымящих пашен, душист февраль,
Алеют щеки от игр и бега, цветет миндаль.

Мимозы гроздья в окне поникли, прозрачна даль,
Во взорах – солнце, любовь и нега, цветет миндаль.

<1920>

ПОХИЩЕНИЕ ИЗ СЕРААЯ

Подушек жар, хранящих формы тела,
Чуть уловимый привкус тлена,
Холмы, поднявшие, как облак, платье.
Мечтаешь ты, обняв колена,
Как удивленны и несмелы,
Как свежи каждый раз объятья.

Мрак улиц, зноем зыблемых, затих.
Полна предчувствий острых и желаний
Прохлада комнат нежащих твоих,
Где слуги в воздухе колеблют ткани,
Где птицы пестрые щебечут в клетке
И руки смуглые полны кудрей,
Из золотой опавших сетки.

<1919>

Властитель бредит жемчугом Пенджаба,
Каменьями, и деревом цветным,
И кораблем трехъярусным немым,
Собравшим паруса при ветре слабом
И спящим в бухте. Позабыв про сон,
На крышу плоскую выходит он
Встречать зари перистые румяна.
Но густо мрак покрыл затворы жен,
Резьбу колонн, бассейны и фонтаны.
Властитель шепчет: сон. Все грезит. Рано...

<1919>

Недвижный ночи жар в дурмане грядок,
Роз лепестки,
Воздушный шелк рассыпавшихся складок
И дрожь руки.
Вздохнуть не смея, крадешься к беседке,
В тени скользя.
А мысли бьются, словно стрепет в клетке:
Нельзя, нельзя!
Покой террас прозрачностью волнуем,
На сердце – лед.
Какая сладость входит с поцелуем,
Как сух твой рот!
Безумье дышит сладостно и пряно
И горячо.
И кудри выбились из-под тюрбана:
Еще, еще!

<1919>

- Еще поцелуй – о последний!
  - Еще одну песню, мой брат!
  - Как звезды меж листьев горят,
Свистят соловьи в иступленье.

  - Пора мне, сиянье рассвета
В твоих отразилось глазах.
  - В объятья пленительный страх
Вплетается розой запрета.

  - Умру я – влюбленной воскресну,
Ты к смерти меня не ревнуй.
  - Как жжет мне плечо поцелуй!
  - Еще одну грустную песню!
- <1919>

Как сердце просится из плена,
Круженья в приторном кругу!
Тебя я отроком одену
И кудри круто подстригу.
Кивнет лукаво нам прохожий,
Приметив общий наш наряд.
Лицом, движеньями мы схожи,
Как с младшим братом старший брат.
Переплывем в челне озера
И междуречья тихий рай.
В тени твоих садов, Бассора,
С дворцами, лавками, прощай!
Румяна, шарфы и каменья,
Надменный выезд – все забудь.
Какая радость ширит грудь
При входе в кроткие селенья!

Зарей брести за пыльным стадом,
Вдувая нежный вздох в свирель.
Иль засыпать к полудню рядом,
Из мягких трав сплеть постель.
Зайдем и к бедным и богатым,
Заплатим сказкой за обед.
Ты будешь только младшим братом
И отроком в пятнадцать лет.
Бежим! С властителем суровым
Тебя делить я не могу.
Все станет сладостным и новым,
Лишь эти кудри подстригу.

Кто в даль стремится, чужд в любви удачи.
Кто жив любовью, должен жить как нищий.
Взошла вся мудрость мира на кладбище,
И зрит слепец, чего не знает зрячий.

В чулане тесном роза дышит ядом,
Залог влюбленных – срезанная роза.
Печален князь, и счастливы стрекозы,
Уныние бредет с мечтою рядом.

Забудь о роке, лги себе, надейся
И бороду всю вырви книгочии,
Скопцу, педанту: все слова пустые!
Живи, живой! Люби, дерись и смейся.

<1927>

Мудрость

Запомни имя мое: Виргиний.
Я не гость, не хозяин – лишь имя.
Смерти жилью покинь без печали.
Сладки в полдень прохлада и тень.
Солнце – жизнь. Если жаром
Жизни пришел сюда обожженный,
Легким ступай, меня называя:
Радуйся, путник, ты среди живых!

<1924>

Мавзолей

О жизни круг, очерченный умело
Рукою живописца на стене!
Здесь школьник, наклонен к таблицам, свиткам,
Косится на сквозящий солнцем сад.
Здесь отрок, он со псами за дичиной,
Здесь юноша, он правит бег коней.
Вот сам родитель, он – в кругу своих.
Там мудрый, слов остря клинки,
В венке жасминном на попойке он.
Все тает, пусть, но завершать так сладко
В гармонию случайной жизни круг.

<1924>

Аамнага Нсуху

Посещение

Шелест, веянье, касанье
Серебристых прохладных крыл.
Сладким был мрак, словно сиянье,
Тайный гость тебя осенил.
Ты мед густой пила из кубка
Полураскрытых томных уст.
Под крышей до зари ворковала голубка,
И рдяной розой обагрился куст.
Легкий гость на жарком ложе.
Нежность линий угадала рука,
Замирая в тайной дрожи:
Радость чутких касаний легка.

Но, жаждой новою томима,
Над спящим наклонилась ты.
Кто он, волшебный и незримый,
Явитесь, Лица четкие черты!
Вдруг опрокинулась лампада,
Горячим маслом обожжено бедро.
С трепетным плеском крыл скрылась отрада,
В залог оставив легкое перо.

<1920>

Царевна

Опалы круглых островов
Над гладью блекло лиловели.
Сливались звонкие свирели
С веселым бляньем стадов.
Царевна руку подняла:
Заря прости из вод сияя,
Коринфа бухта золотая
И шелест легкого крыла
На ложе сонном пуховом!
Мой путь неверен и опасен,
Но друг пленительный прекрасен
И роком робкий дух влеком.

Уж портик, лестницы и дом
Не видны в розовой дали.
Покинув заводь, корабли
Подняли парус шаткой воли.
Душа, ты странница, не боле,
По скорбным прелестям земли.

Садов блаженных сизый дым
Стекает к сини вод отлого.
Пером воздушного залога
Твой путь таинственно храним.
Не тронет нежных щек загар,
Не сломит тела жар истомой.
Плеск крыльев сладостно знакомый
Незримо веет негой чар.

Вечер

Долго ты, душа, блуждала
За мечтой из края в край.
Ноги движутся устало.
Вечер ясен, близок рай.

Счастья нет, а есть томленье
И тревога и покой.
Слышно сладостное пенье
За туманною рекой.

Проплывает лодка мимо,
Пала на луга роса.
Воздух родины любимой
Обвевает волоса.

<1956>

НЕСОСТАЮЩЕЕ

Одиссей

Меж звездною синью и сумраком вод,
Сияя огнями, плывет пароход.

Не слышно машины, притих буйный пляс.
Лишь сладостный голос доходит до нас.

Сирена гитары коснулась слегка.
Над струнами ровно поднялась рука.

Люблю я ногтей твоих розовый лак
И взор твой, смущавший бесчинство гуляк.

А голос – нежнейшая в мире струна!
Но сердце – для всех и ничье, как луна.

Цветные подушки, твой смех – не поймешь,
Любовь ли, измена ль: все призрак, все ложь!

Как призрак проплыли в пространстве огни,
И сердцу лишь снятся небывшие дни,

И пестрые платья, и бархатный жар,
И томные взгляды, и трепет гитар.

<1927>

Всплыла луна над почерневшей кручей,
Зарей тускнея в тине Флегетона.
Сквозя в оливках, не томи, не мучай
Магнитной лаской сон Эндимиона!
Его не взбудит свора гончих лаем.
Любовник бледный тленного сиянья,
Он ждет, дивясь, что мир неузнаваем,
Дремотно полых, острых струй слиянья.

Тупые рыбы в заводи застыли
Под рябью золотой изнеможенья.
Пустеют вены, шепчет рот: не ты ли
Бесцветный спектр, лунный луг забвенья?
И город наш внизу – потухший слиток,
А рокот легкий – прежней жизни эхо.
И ты и я – лишь скудный пережиток
Того, в чем радости бродил избыток
Каскадом игр, звенящих слов и смеха.

<1923>

Гений рода

Очей чудесных блеск случайный
Пленил влюбленного ребенка.
Прошли года, и дней воронка
Всосала память связи тайной.

Мечты о подвигах, о славе...
Зияли лунные пещеры.
Бойцы рубились за химеры,
Лесное озеро кровавя.

Напрасной щедрости что выше?
Бесцельных битв во имя Дамы,
Ненужных песен и затиший,
В любви всей прихоти упрямой!

А сердце все как у ребенка
О тайной связи душ тоскует,
Сквозь сонной одури воронку
Оно очей влиянье чувствует.

<1933>

Старый мир

Тоска по родине

Ни для кого не приманка,
Давний наскучивший враль,
Нудная ноет шарманка,
Что ничего уж не жаль.

Плен мой как плен попугая,
Жизнь – это сладостный сон.
Слабость находит такая,
Словно я детски влюблен.

Сердце там чье-то страдало,
С милой прощаясь навек...
Вспомню те весны, и талый
Ветер, и тающий снег.

Только заслышу шарманку,
Вольность проснется моя.
В путь я уйду спозаранку,
Хлеба краюху жуя.

<1943>

Баллада

Жан, сын вдовы, ушел в солдаты,
Чтоб не возить в поля навоз.
Он просветлел и вдруг возрос
В глазах Сузанны плутоватой.

Солдат вернется генералом
И купит замок над рекой.
Влеком он яркою звездой
И не довольствуется малым.

Жить надо, в праздник наряжая
Все дни – дней мало нам дано:
Смех, песни, пляски и вино
И ламп огни, в серьгах сияя,
И в этих взглядах, дорогая!

Прошли года, Сюзон тучнеет,
Вывозит в поле муж навоз.
Среди детей, сыров и лоз
Мечтать, как встарь, она не смеет.

Вот возвращается солдат,
Стуча занозной деревяшкой,
Без галунов и без наград,
Сам-друг с приставшею дворняжкой.

Ворчит хромой, собака ноет,
И оба скучно клячат грош,
И оба лгут, что жизнь есть ложь,
Что прежних бредней не вернешь
И что жалеть о них не стоит.

Посылка

Князя земли душой убоги,
Мечтателя ждет нищета.
Что счастье? отдых на пороге
Небытия иль сон, мечта
О радости недостижимой?
Пройди, мудрец, скорее мимо!

<1940>

Приложение 1

NEREBOVBI M. AODATTO
US MPRU SE REHBE

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

(1864–1936)

Песенки

1

Тростинка камыша – вот все
Чем я заставил вздрогнуть высокие травы
И весь луг
И нежные ивы
И ручей, запевший тоже;
В тростинку камыша я подул
И лес наполнился песней.

Кто проходил, тот слышал ее
В глубине вечера, в своих мыслях,
В тишине и в ветре,
Прозрачную или замирающую,
Близкую или далекую...
Те, кто проходит в мыслях своих,
Слушая в глубине самих себя,
Услышат снова, и слышат всегда,
Как поет тростник.

Я заставил
Тростинкой камыша, что срезал
У заводи, куда пришел Амур,
Задумчив, смутен, хмур,

Свой лик в слезах купая
И в плоскости ручья
Отражая, –
Заплакать тех, кто проходит,
Вздоргнуть травы и воду трепетать,
И дыша в тростник наполнил я
Песней чашу леса.

2

Ничего не имею я,
Лишь три листа золотых да трость
Из бука, ничего не имею я,
Лишь немного земли на ногах,
Лишь запах вечера в волосах,
Лишь отблеск моря во взгляде.
Я бродил по дорогам лесным,
По песчаной глади
И срезал ветку бука
И сорвал проходя у осени, чей сон так тих,
Эту связь трех листов золотых.

Прими их, пожелтелых и нежных
С нитями
Пурпурных жилок на них.
В них есть намек на славу и смерть;
Они трепещут под ветром судеб;
Подержи их немного в нежных руках:
Они легки, – и думай снова
О том, кто постучал у твоей двери,

Вечерний гость,
Уселся без слова,
И уходя унес
Черную трость,
И оставил тебе листья-червонцы
Цвета смерти и солнца...
Ладонь раскрой, вверх подбрось,
И дверь запри –
Пусть ветер унесет все три!

3

Я твой услышу стук!
Дверь высока под розами, плющом,
Тысячью рук
Сплетенными на камне вековом,
И скорченными словно мрак ночной
Давивший как паук
Дом прежде черный и пустой,
Теперь слепящий и запевший,
Весь в розах, на заре зардевшей.

Я жду тебя и пою у окна,
Я жду тебя, ведь уже весна,
Бледнеют стекла и светом облиты,
Одна за другой на полу яснеют плиты
И тени прячутся в углы.
Войди,
Ты, кто пришла к моим дверям
С улыбкой и нагая.

Войди. Хочешь
Присесть у огня,
Под воркотню веретена пеньку свивая?
Хочешь
До осени пробыть у меня?
Хочешь, я подам
Оловянное блюдо и кубок кленовый,
Хлеба, плоды,
Немного прозрачной воды
И будем одни?
Дороги суровы.

Но твоя улыбка уже поцелуй... Взгляни,
Вот цветок, чтобы ты держала
Его в руке, и лампа золотая
И древних три опала;
Вот еще
Пояс с ключом;
Возьми сандалии с плащом, –
Все принес для тебя я.
У тебя есть опалы, лампада,
Есть ключ – все что надо,
Теперь иди к людям!

4

Если я говорил
О моей любви, то лишь воде неспешной,
Внимавшей мне, когда я смяв камыш
Склонялся к ней; если я говорил

Он сгорблен или прям и нем,
Смеется он иль скорбь его коснется глаз, –
Уходит время между тем,
За часом час...

Ты лен прядешь иль у реки
Цветы сплетаешь в пестрые венки;
Щебечет ласточка, летают пчелы,
С упругой ветки плод летит тяжелый,
Колосья гнутся, лист убого
Порхает,
Твоя рука срывает
Немного счастья, радости немного;
Возьмешь ты стебель – на нем запястья,
Возьмешь цветок – он опадает.
Распутал он за прялкой не тебе ли
Шелка и золото твоей кудели?

Взгляни! Ткет осень пряжу дней ненастных,
Дожди сквозь солнце, солнце все в цвету.
Сквозь жизнь твою и суету
Проходит час и кажется прекрасным.
Он крылатый, со взором ясным,
Он соткан из мыслей твоих,
Он стал прекрасным
В мыслях твоих,
Весь тайны полон, бледен, тих
И нежною улыбкой озарен –
Ведь ты поешь, ты весел, ты влюблен!

6

Если б ты сказала:
Вот Осень к нам идет, ступая
По листьям засохшим легко.
Слушай, звук топора далеко
От дерева к дереву, замирая
Летит осиротелый;
Посмотри, над топью прибрежной
Падают птицы как стрелы,
Махая бессильным крылом,
С пятном
Крови свежей и нежной.

Если б ты сказала: Зима уже, вот
Над морем солнце в крови плывет,
Лодка в затоне во льдах замерзает,
Очаг дымит, ветер рвется,
Воет, урчит, смеется,
Заливается лаем, кусает;
Вечерняя мгла после солнца горька...
Если б ты сказала: я – Зима и Тоска –
Я полюбил бы тебя, но ты сказала смеясь:
Посмотри, на востоке заря зажглась,
Зеленой и рдяной над морем и водой.
Апрель нагою нежной стопой
Бежит по травам дрожащим
И звонкая Весна день каждый твой
В цветную вязь сплетает слаще,
Чем розу с розой, с радостью веселье;
Я – взмах крыла, рассвета новоселье,

Я улыбаюсь и мой рот
Отрадной свежестью влечет,
И пахнущие Весной тебе я отдам
Нежные пальцы, подобные лепесткам.

7

Ни в песни тебя не назову я,
Задумчивой в любви, в злости глухой,
Ни твой рот для поцелуя
Любви дорогой
И злости милый,
Ни трепетавшие извивы
Твоих волос, ни тот ручей,
Где ты, уста в уста, на струях
Смеялась нежности твоей,
Ни имя твое –
Даже эху.

Шипы сквозь листья проступают
И ягоды цветы сменяют.
Вдоль по проселку ком за комом!
Земля в канавы опадает,
Пролился дождь над водоемом,
На розы у колодца,
Окаймлена кустарником дорога,
Лепечет эхо вдалеке,
Овца пасется,
Поет, сплетая прутья, кто-то в ивняке...

Да, это осени немного
Уже,
И ничего другого;
Земля набухнув осыпается в канавы,
И напевает кто-то снова,
Сплетая прутья и травы...
Дорога меж кустарника густого...
Это все, что есть,
Ничего другого нет,
Ушедший день и ты, земля, лазурь, вода,
Дорога эта вот туда,
Сторожка эта и передо мной
Вода.

8

Жизнь
С пальцами листьев, объятьями чащи,
И ртом плодов и лепестков,
С непостоянной кожей
Коры и ряби, сини и паров,
С очами вод то спящих то слепящих,
Порой насмешливых, порою мертвых,
С голосом – ветра, со слухом – эхо,
С голосом дождя,
С дремотой Августа, с Апрельским смехом,
Сидя в тени или стоя
В огне зари, ясна,
Жизнь обнажена.

О чем тебе скажу я?
Снега растаяли в Апреле
И нежны ветра шелесты и трели,
Его кто, зимний, говорил так строго
По дорогам.
На море лодок много,
В саду пестро от грядок.
Какой цветок в твоей руке мне сладок?

Ты стоишь и улыбаешься с порога
Вечеру, приведшему меня к колоннам,
Где собираешь ты
Румян рожденье и золота цветы
В листьях зеленых;
Меж узловатых стеблей, еще колючих, –
Ведь розы цветут из крови прошлого жгучей.

Что тебе скажу я?
Позволь умолкнуть мне.
Послушаем как эхо мертвое моих шагов
Тает в тишине,
И словно плачет еще ручей.
Помолчим!
Нас тень прикрыла крылом большим,
Прохладой вея.
Завтра сон радости моей
Скажу тебе я.

10

Зари отрада сошла на поляны,
Блеет стадо.
Все овцы – как одна;
Черный и белый меж ними бараны,
И ягнята
Белы и черны.
Путь сладок вдоль живой стены.
Под ивами река нежна,
Сиянье новое поет в ветвях,
Своей деревья тенью окружены.
Лужайки сини,
Покой полдневный дремлет на равнине,
На золотых под солнцем стадах.
Созрели травы на лугах,
Жужжат над ульем пчелы,
Плетень покрыт кистью лоз тяжелой
И дремлют быки в траве,
Как знаки золотого Зодиака.

Надменность вечера сошла к земле,
Хлеба высоки, тяжкий колос гнется,
Смолкая, леса гул протяжен.
Звон двух колоколов несется
От запада к востоку,
Один – вблизи, другой – далёко,
Один прозрачен, другой важен.
Отлиты оба из чистого металла,
Их медь для сини задрожала

И оба славят, звеня,
Надменность бронзы и золото дня,
Такого ясного, что когда настанет
Вечер, ни один цветок не завянет.

11

Пой нежно так, чтоб мне звенели
Сквозь голос твой иные голоса.
Бывает нежность их еще нежнее,
Когда на ветке ты срываешь свежей
Роптанье пробежавшее леса.

Послушай, как в волне далекой
Доходит отзвук всех морей.
В прозрачный звук их гул глубокий
Вольется мощью зыби всей.

На пороге моем твой шаг окрыленный,
Золотые сандалии, каблук стальной, —
— Пусть будет черным тростник плетеный
Или зеленой лозой,
Цветами полн иль мертвою листвою, —
На пороге моем твой шаг окрыленный,
Это Жизнь, вся Жизнь
Вошла, проходит сквозь мою жизнь.
Сандалий легкость, тяжесть каблука,
Сладость или тоска —
И в обнаженной неге твоего поцелуя
Всю Любовь найду я.

12

Высокая лампа
Горит на столе в тишине,
Меж книг прочтенных,
Над моей головой склоненной.
Уже не слышно мне,
Как скорбный и бессонный
По комнате проходит и бродит
Старый Год.

Он стал покорным, важным, скромным,
В зимнем платье простом,
И сел за ярким очагом,
Руки склоненные грея.
Он нежным стал и томным
И легкими шагами, словно вея,
Проходит сквозь мои мысли
По пеплу.

Корзины лета, осени плетенки
Висят здесь, на стене, и иногда
Лоза чуть хрустнет, ветер звонкий
Шуршит стеблями в вазе, где трава
И листья сохнут, и иногда
Я работаю и слушаю
И вижу его,
Неподвижного в платье сером.
Не прошептал ни разу его рот,
Забывших песен не поет,
Что пел смеясь он летом,

Сплетая
Своею кистью длинной
Легкие лозы и гибкий тростник
Да иву упруго сгибая
В остов корзины.

Лишь колесо его ворчит и жужжит
Подобно роям отдаленным,
Что вздувшись близятся и отступают.
И монотонно
Он в нити сумерки свивает.

Высокие часы
В их терему резном счет бега правят
И к часу новый час прибавят
И времени движенье все короче
К полночи.

Тогда у очага безмолвный Год
В наряде розовом и сером
Поднимется и огонь разожжет.
Вспыхнет огромное пламя веры,
На черный пол ложась багровым бликом,
Его замерзшие руки согревая,
А там
На времени порог вступая,
С новым ликом
Он улыбнется моим мечтам.

13

Для глаз твоих хотел бы я равнины,
Лес изумрудный и червонный,
Отдаленный
И нежный
На горизонте в ясной сини,
Или холмы
В плененье линий
Покатых, дымчатых и безмятежных,
И тающих в прозрачности небес –
Или холмы
Или лес...

Я бы хотел,
Чтоб твоего коснулся слуха
Просторный, мощный, нежный, полный тьмы
Великий голос моря, глухо
Томимый тревогой,
Как Любовь,
И в замиранье прибоя, совсем рядом с тобой,
Украдкой,
Чтоб твоего коснулось слуха
Совсем рядом с тобой
Горлицы воркованье
И слабой и сладкой
Как Любовь,
В тени немного,
Чтоб твоего коснулось слуха
Ключа журчанье...

Цветы хотел бы я для рук твоих,
А для шагов
Тропинку по песку и травам,
Немного вверх или по спуску,
С изгибами среди кустов
И словно
Теряясь в глубине безмолвной,
Тропинку выющую узко,
Где был бы легкий след твоих шагов,
Наших шагов,
Рядом!

14

Если б лучше я знал любовь мою, если б лучше
Я знал мою жизнь,
Если б лучше
Я знал мои мечты,
Не связал бы я мою жизнь
С твоими мечтами,
С бегом твоих дней,
Не отдал бы я твоей жизни
Любви моей!

Разве приносят любимой
Цветок шипами полный?
Рот утоляют ли, жаждой томимый,
Горькие волны?
Ткать дают ли нежным рукам,
Радость ткущим

Жирный лен с пенькой
Жесткою прях?..

Ты в жизнь мою вошла прямой
На перекрестных путях.
Источник у ног твоих; розу, согнувши
Опасный стебель, сорвала ты.
Разве так редко в кудели Судьбы
Найдешь неверную нить,
Что тебе отрадно быть
Единственной в любви моей,
Держа ее руку в своей?

15

Сказать бы мог я о любви моей
Вслух.
В сиянии дневных лучей
Воздух горяч и сух
И рыжим золотом лета и хмелем
Опьяняя, она бы ответила смехом
Каждому эху.

Сказать бы я мог:
Любовь моя блаженна, вот
Свой плащ багряный она влечет
У ног!
Из полной розами руки
Она роняет лепестки,
И воздух их дыханьем дышит.

Небо прозрачно
Над мрамором ее дома, горячим
И белым с сетью жилок, пышным
Как тело милое устам.

Но нет,
Я дал ей платье из холста,
Плащ ее влечется
По каблукам.
Проходя она чуть улыбнется,
И если поет, то так неслышно,
Что никто не обернется,
Чтоб сорвать ее песни расцвет.
В вечерней мгле, что запахом ее томима,
Нет у нее ни дома ни цветника
И смотрит с видом бедняка,
Чтоб лучше скрыть, что она любима.

16

Пленительно все ваше тело
И тень его меж роз у ваших ног.
Вы обрываете недоумело
Неспешный, легкий словно мотылек
За лепестком лепесток,
Пока вся роза облетела,
И флейта в ветре сливается с эхом.

Прекрасно все ваше лицо с чутким смехом
От ясных глаз,
Что нежностью окутывают вас

До вашего рта,
Где прелесть улыбки печальна
Как надежда, что сомкнув уста
Настигнет и коснется
Уст печали, и улыбнется
В глади зеркальной...

Смолкли во мгле ветер с флейтою дальней.
Прекрасны вся ваша жизнь и ваши дни,
Что к вам приходят друг за другом,
Ведя к Любви,
Нагой под тканью золота и льна,
Со слепящим в кудрях полукругом.
Тяжелый колос с розой сплетет она
И шаг за шагом, рука в руке,
Пойдете вы к заре и ночи ясной,
Где флейты звук моей
Разбился напрасный,
Услышите как вдалеке
Меж роз и кипарисов осиянно
Поют в тени фонтаны.

17

Есть на пороге сладкие прощанья
Уста в уста на час всего
Или на день.
Уносит ветер
Шагов стихающих шуршанье,
Приносит ветер
Мне радость возвращенья твоего.

Вот слышу, всходишь на ступень,
И лестницею белой
Взошла и приближаешься, потом
Идешь по коридору, где задела
Известку стен случайно рукавом
Или плечом.
И вдруг остановилась. Ты со мной
За дверью запертою глухо,
И моего коснулось слуха
Дыханье уст и сердца перебой
Так сладостно тобой таймый, —
И быстро дверь открою я любимой!

Есть долгие прощанья у прибора
В удушье вечера глубоко.
Мигают в сумерках уж маяки
Слепящим оком,
И нет покоя...
Волна прильет и вспенится, уходит
И плещет в днища кораблей,
И долго в темноте рука руки
Не покидает, вновь находит.
Кровавый отблеск фонарей
Румянцем роковым ложится
На призрачные лица
Тех, кто прощался у морских зыбей,
Как у креста распутий по проселку
Или дорогой на излом,
Под солнцем иль дождем,
Как на углу стены,

Где опираются плечом,
Опьянены любовью иль тоской, в истоме
Смотря на руки,
Разъединенные недолго
Иль вечной обреченные разлуке.

Другие есть еще прощанья,
Слова, что произносят глуше,
Когда их Лики роком
Томимы, Жизнь и Смерть
Сближают в полумгле лобзанья,
Чтобы еще спаялась лучше
Во времени и в вечности явясь,
Уста в уста и вздох со вздохом,
Их двойственная связь.

18

Срубить дубы ты можешь, –
Блестит секира голубая,
Слепя, стуча, впиваясь и терзая,
И понемногу
Поддавшись, дерево гнется с дрожью
И падает всеми ветвями убого,
С листвою, с плющом...
Потом
Ты море можешь одолеть –
Веди корабль, взрезая волны правь
По буйной пене зелени и трав, –
Влеку против струй
Отяжелелую сеть,

Полную серебра и золотых чешуй
Меж вздувшихся клеток...

Ты
Высок ростом и крепок,
Рыбак, и ты, дровосек,
Но даже если бы
Головами были верхушки веток,
И могли бы
Золотом стать твои рыбы,
Ты не получишь, если не хочу я,
Ты не получишь
Рубкой леса иль плеском весла
Ни моего поцелуя
Ни дней моих час один
Ни моего волоска,
И так пуста
Вся ваша гордость мужчин
Без легкой улыбки женского рта.

19

Вы войдете
Нагнувши голову свою
Дверью маленькой и низкой
В стене на повороте.
Вот
Железный ключ, тяжелый, почернелый...
Вы сядете на скамью.

Она покрыта плесенью склизкой.
Ее склоняет время и грызет,
И все ж она – мрамор потемнелый,
И часто
Мертвые листья
Ветки задевая
По воле ветра
Летят с древних деревьев
Таинственных и золотых, –
Легкое и мягкое паденье их
Шуршит, ласкает, обвевая
Ветхий мрамор, погруженный в сон.
Вы услышите
Вскоре как понемногу со всех сторон
И глухо словно ваша глубина
Живет и дышит тишина.
В старинном парке бьют фонтаны,
Смеясь и мечтая,
С лепетом тихим и странным,
То вдруг застонут гибкою струей
То шепчутся между собой –
Вода пройдет, обманет, забывая, –
О тайнах старых, наших былях,
Что стерлись в памяти, что мы забыли...
Но вы не слушайте фонтаны.

Не слушайте проходя мимо
В вечерней полумгле
Горлицы поздней пенью
На дерева верхушке золотой,

Ни тех, кто нежностью томимы
На черном кипариса острие.
Не слушайте в вечерней полумгле
Фонтанов шум ни горлиц в чаще
Ни лист летящий
У ваших ног.

Проход отраден, светел и широк,
И если вы ступаете по мхам,
Тишина прильнет к вам,
Как была со мной,
И к зеркалу придете вы,
Где отразится вашей лик Судьбы.

То водоем где спит от твоего рожденья
Вода печальная на камне неизменном;
Ни капли не ушло ее,
Влага не тронута никем, такая,
Какой собрало время до тебя.
У ясной глубины
Две статуи в томленьи пленном
Крылаты и обнажены
И обе – Любовь,
Но с улыбкой одна, готовая плакать – другая.
Приблизься, отразиться дано тебе
В твоей Судьбе.
Прозрачно зеркало неверных струй.
Увидишь ли себя с улыбкой иль рыдая,
Твой встретит рот другой похожий.
На устах жизни ждет тебя поцелуй...
И за тобой в воде следит Любовь двойная.

Мой каждый час и мысль моя, —
Без него влажная эта земля,
Рябая,
То там то здесь горбясь и набухая,
Холм желтый, где роза растет
Цветком редким и хилым, —
Без него пустынность этих мест унылых,
Откуда виден неба край убогий,
Безмолвья, одиночества дороги, —
Были бы слишком тоскливы.

Я одинок, ты знаешь. Жизнь в объеме всем
Зовет к прошедшему со смехом и кричит
Тысячеголосым ртом
За мною, там, ладони простирая,
Стройная и нагая.

А я простертый на земле, засохшей
На окровавленных моих ногтях,
Чтоб вылепить дрожащее мечтанье
И вечным хрупкое сделать сочетанье,
Принес я из долины
Немного глины,
Ничего другого,
Чтоб начертать певучие медали,
Где я могу явить из темной дали
Лучистый очерк иль мрачные черты,
Усмешку Скорби и слезы Красоты.

Но в душе моей отдаленно
Любовь рокочет иль воркует
Как море, там, за лесом красных сосен.

21

Сладкие мысли!
Как море пело во мгле поседев
Кратких Часов вечный припев!
Сладкие мысли
Похожие на трав сплетенья, –
Трава серебряная и голубая,
Трава зеленая и золотая,
Змея жезла двойная,
Тирс забвенья,
Расточенная радость, ушедшее томленье
В моих мыслях.

Вот эта приплыла с улыбкой
В цветах на лодке зыбкой
Из детства дальних повечерий:
Ее я знал в тишине
У двери
Старого дома, открытой на морскую даль.
Она приносит мне
Свой ясный смех...
Влачатся травы с буйною струею
И радужная раковин эмаль.
Увидишь жизни целой смену,
Услышишь прошлое живое,
Приливы, ветер, пену
И радость и печаль.

Мечтательница, это ты
Облокотилась в платье кротком!

Льет слезы твоя лодка,
Капающие с весел
Медлительно на гладь воды.
Вечерами скуки я слышал твой голос
Стенящий в мачтах и канатах
Как тихая большая птица,
Что по безмолвию крылом влачится.
Я слышу, как вечерами скуки твой голос
Плачет в тени, где Час
Скрылся, на крыльях Безмолвья несясь.

Сладкие мысли,
Струи у берега роптанье,
Сдвиг песков, крыла шуршанье,
Далекий шаг и голос отдаленный,
Узор затейливый травы сплетенной,
Земная кровь, что в жилах бежит
И теплым телом делает гранит,
Сладкие мысли,
Летучие, во всей тщете,
Поющие в вещах о нас,
Качайте раковину полную во мне,
Где засыпает прожитый час,
Сладкие мысли!

22

Прежде чем терпкий ветер птиц не угнал,
Листья срывая, суша тростник,
Где я когда-то флейты и стрелы срезал,
Я хочу, на пороге сидя, лозой обвитом,

Увидеть вновь уже полузакрытым
Взглядом нам милый Лик,
Что Год скрывает день за днем мелькая,
Улыбаясь тени того, что было мной.
Сентябрь, сентябрь,
Растя пеньку, плоды срывая
Окровавленным вечером, прозрачной зарей
Явился мне ты,
Прямой в плененье красоты,
На золотой листве лесов
На берегу воды
В наряде туманов и шелков,
Пламенея нимбом волос,
Весь в меди, золоте, крови и амбре.
Сентябрь,
С жирным мехом, давящим
Твое плечо всей тяжестью сусла,
Вспотевшим на швах блестящих,
Куда летит жужжа последняя пчела.
Сентябрь!
Молодое вино бродит в бочке и льется
Пенясь в кувшины.
Погреб душист, чердак гнется.
Сноп Лета скошен Осени серпом,
Блестит жернов давя маслины.
Властитель прессов, ульев, жерновов,
Сентябрь, воспетый каждым ручьем,
Слушай трепет звенящих слов!
Вечер прохладен,
От леса тень легла несмело
И за дубами солнце село.

23

Я сплел своей рукой Часов корзину –
Иву поющую у реки
И трепетный камыш и плакучий вяз.
Семь стволов было на моей флейте длинной,
Певшей за часом час
В избытке радости или тоски
То лист засохший то зеленый,
То важный год то нежностью плененный.
Вы слушать приходили
Песни сладкие или глухие,
Медлительные иль живые
Из каждого ствола.

Моя корзина полна, возьмите
Тяжелую кисть, набухшую кровью пьяно,
Возьмите мягкую грушу или каштаны
В колючках, что спечет горячая зола,
Возьмите плоды светлых садов
И плоды терпких кустов,
Вкусите кожицу и мякоть,
Царапину иль рану,
Сладкий вкус и горький запах,
Утеху или боль...
Потом идите пить к фонтану.

Уже спешит заря и ночь уж тает,
Медля в сумерках, но все не рассвело.
Дерево замирает.
В воздушной сладости никнет ветра крыло.

Потом засмеется еще незримая Весна.
И прозвенят ее шаги по дороге,
Где гибко и легко к Лету идет она, –
И к дивной Осени, пленительной вдвойне
В томленье, в зрелости, в дремоте,
Придем мы в тишине –
К праматери Весны и дочери Лета.

Живые мы
Услышим ветер зимы,
Вдоль жизни по дорогам
Между стволов и веток, час за часом;
Коснемся мы руки сладкой,
Украдкой,
И душа с душой, с телом тело,
Любить, быть может, будем и страдать.
В моих корзинах будет снова,
Уже иных,
Мед новый пчел других,
Плоды не те, другая мысль и слово.

24

Я притворился, что Боги мне говорят.
Один весь в струях трав и воды,
Иной отяжелелый от хлебов и кистей лозы,
Иной крылат,
Прекрасен и зол
В движеньях легкой наготы,
Еще ко мне сошел

Срывающий с песней цикуты яд
И мысли,
Принесший тирс золотой,
Змею сплетясь со змеей, –
Еще другой...

Я сказал: вот флейты и корзины.
Вкусите от плодов долины,
Услышите пчел жужжанье
И скромное шуршанье
Сплетаемой лозы и тростника.
Еще сказал я: слушай,
Слушай,
За эхом кто-то есть другой,
На средоточье жизни мировой
Несущий двойной лук и факел двойной,
И кто –
Божественное мы.

Незримый лик! В медалях вырезал тебя я
На нежном серебре как на бледной заре,
На золоте пылающем как солнце,
На меди потемнелой словно ночь,
На всех металлах тебя являя,
Звонящих ясно, как радость,
Звонящих тяжело как слава,
Как любовь, как смерть,
Но лучшие создал я из глины дивной,
Сухой и хрупкой.

Вы их пересчитали и с улыбкой
Сказали: ловок он.
И проходили вы с улыбкой.
Заметил хоть один из вас едва ли,
Что у меня от нежности руки дрожали,
Что весь земной великий сон
Жил во мне для жизни в них,
Что я на сплавах вырезал благих
Моих Богов,
И что они были живым лицом
Того, что в розах чувствовали мы,
В воде, в дыхании зимы,
В лесах, в сиянии морском, –
Всего, всего,
В чем – наше вещество,
И что они – божественное мы.

<http://vekperevoda.com/1887/lopatto.htm>

Переводы выполнены в 1920 г.

*Из архива М. Лопатто, хранитель – президент
Союза Славистов Италии Стефано Гардзонио.*

Приложение 2

ОМФАЛОСЪ ОМФЛОСЪ
(ЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ)

«Омфалос», 1918

ОМФАЛИТИЧЕСКІЙ ОЛИМПЪ.

(ЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ).

„ОМФАЛОСЪ“

1916.

МИРРА ДА СКЕРЦО
(1892)

Из книги «Голубая тетрадь»

Стихи Фелисьену

1

На книги, на цветы, на занавески
Упал вечерний золотистый свет.
Вы щурили глаза в неярком блеске,
Такой изнеженный, такой поэт.

На севере вы были вестью с юга,
Где волны, пальмы, вздохи опухал.
Я с радостью нашла в вас только друга
И спутника, который так устал.

2

Вы – светлый и простой и одинокий
Здесь у окна и смотрите все вдаль.
Но мстит душе за прошлые пороки
Неутолимая печаль.

Она во мне. Напрасно Вы мечтали
Поднять меня из скорбной глубины.
Вы светлый, Вам сияющие дали,
А мне мои глухие сны.

3

Какие-то не снизывались петли
В прозрачную и ласковую сеть.
Я поняла: мечтам не зазвенеть,
И вот спросила Вас: не умереть ли?

И внятно Вы ответили мне: да.
Неправда ли, ведь там не будет пыток?
Ведь смерть не сожигающий напиток,
А мутная и теплая вода?

Весною

Вверху голубеют просторы,
И капает медленно с крыш.
Когда успокоены взоры,
Бесцельно и долго глядишь.

Шарманка проплакала звонко,
И странно припомнились мне
Черты дорогого ребенка
И первая радость весне,

Его золотая головка
И тонкий его голосок.
Я плачу... Мне было неловко,
И жить все равно он не мог.

Эфир

Лишь небо в окно здесь видно
И хребты красно-бурых крыш.
Уже не больно и не обидно.
Меня успокоила тишь.

Мне кажется, снова я дома.
Безвольная, лягу в кровать.
Какая прозрачная дрема,
Мечтать, но о чем мечтать?

Флакон граненый эфира
С платком забыт на столе.
Отлеты. Я больше не Мирра.
Ведь Мирра там, на земле.

Неумелому

Весь день прошел над логикой Когена.
Я так устала. Это вы, мой друг?
Присядьте здесь. Стихами, как сирена,
Я завлеку вас в мой волшебный круг,
Где смутный шелест шелкового трена
И легкие прикосновенья рук.

Здесь книги, и цветы, и воздух душный,
И сумерки, и колокольный звон.
Ну вот, Вы стали вкрадчиво послушный,

Вот профиль Ваш к моей туфле склонен.
И что же дальше? Ах какой вы скучный!
Вы неумелы, уходите вон!

На смерть Чапенко

Чапенко умер. Боже, как печально!
Устав от философского труда,
Гремящий смех в моей ажурной спальне
Я не услышу больше никогда.

И этот ус седой не защекочет
Мое благоуханное плечо.
Он был старик, но мог, когда захочет,
Ласкать так бесконечно горячо.

Внося в гротеск французских извращений
Гвардейца старомодного закал,
Не хуже вас старик меня ласкал,
Не меньше вас давал мне наслаждений.

ГЕНЕРАЛ АПУЛЕЙ КОНДРАШКИН
(1831–1912)

Ночью

Соловей чуфыкнул.
Полилася трель,
Словно заиграла
Нежная свирель.
Я в восторге вскрикнул –
Кто бы устоял?
Пташка продолжала,
Не смутясь нимало.
Старый генерал,
Друг певцов заветный,
Был я незаметный
Ночью, словно тень.
И благоухала,
Кажется, сирень.

Вопросы

Я спросил у беспутного ветра:
Где ты, старый мошенник, летал?
Пролетал я на два сантиметра
Над твоей головой, генерал!

И спросил у воды я певучей:
Кто тебе эту мрачность придал?

На челе собираются тучи
У тебя меж бровей, генерал!

И спросил я у Мирры да Скерцо:
Поэтесса, я страха не знал,
Отчего же дрожит мое сердце?
От любви, от любви, генерал!

На могиле Саши

(13 мая 1854—13 мая 1904)

Спи, моя дочурка,
В гробике своем,
Ангелочек Шурка
Под большим крестом.

Ночка наступает,
Значит, надо спать.
Сам Господь качает,
Так сказать, кровать.

В гробике нашла ты
Теплую постель.
Тихо скрипнет, брата
Обнимая, ель.

Жизнь не много значит —
Кто не умирал?
О тебе поплачет
Старый генерал.

ПОТОГОНОВ

Околоточный г. Пинска

Протокол

Едва отгонишь с уха,
Досадливая муха
Садится уж на плешь.
Когда едва ли дышишь,
Как протокол напишешь,
А надо, хоть зарежь.

По груди волосатой
Пот каплей тепловатой
Стекает на живот,
А муха словно злится
И все на лоб садится,
Сидишь как идиот.

Вдобавок, отгоняя,
Пером в руке махая,
Закапал я весь стол.
Ну что ж, я пересяду.
Ведь этакому гаду
Не влепишь протокол!

ОНУФРИЙ ЧАПЕНКО

(1853–1914)

*Из книги «Рябиновка»**Эпене*

Когда из детской слышу тонкий крик,
Я сознаю, что я виновник жизни,
Что я и в этом творчестве велик,
Служа своей отчизне!

Свой долг свершаю. Ровно каждый год
Мной явлен миру новый житель,
Что будет размножаться в свой черед
И смелый, как родитель.

И ты, жена, гордись своей судьбой,
Могуществом гордись своей утробы.
Торжественно мы шествуем с тобой
Меж зависти и злобы.

Так, медленно трудясь, из года в год
Все новые на свет выводим жизни,
Что будут размножаться в свой черед,
Служа своей отчизне.

Русская баллада

Спит боярин после обеда,
В животе его квас урчит,
А боярыня в лапах соседа
Расточает и верность и стыд.

Ой, вы груди молодые, займитесь
Под щекоткою ловких лап!
Ой, боярин, ой, стрепет, ой, витязь,
Ты прерви свой залиvistый храп!

Из Фета

Он сидел у воды и смотрел на спокойный поток,
И седой бородою печально качал, одинок,
И склонялся к воде, и над ним насмехался родник,
И себя не узнал в отражении диком старик.

Флюс

Тритыкин глянул в зеркало.
«Эх, – думал, – исковеркало
Мне флюсом все лицо.
И с деньгами оказия.
Вчера – ведь безобразие! –
Я заложил кольцо.

Колечко то заветное,
Положим, незаметное,
Не то чтобы алмаз.
Эх, жизнь моя постылая,
Его мне Стеша милая
Дала в последний раз.

Слезами заливалась,
Сквозь слезы улыбалась,
И так мне говорит:
Носи колечко малое,
Да помни, как ласкала я,
Господь тебя простит!

Беда, беда великая» —
Гнусил Тритыкин, хныкая,
Оплакивал кольцо,
И мазями намазывал,
И тряпками завязывал
Распухшее лицо.

Поэзия

Чистая страница,
Как ты хороша!
Тихо умилится
Над тобой душа.
Не хранишь пера ты
Грязноватый след,

Что, тоской объятый,
Наплетет поэт.
Счетов и посланий
Ты не знаешь яд,
Ты чиста, желаний
Возбуждая ряд.

ДЬЯЧОК ИВАН КОЗЯВКА

(Ум. 1905 г.)

Село Вишый Холм

Тихий наш отец Иаков
Возлюбил душою раков.
Попадья ворчит:
Экий стыд!
Вечно рясу мочит в речке,
И белье висит у печки.
Но отец молчит,
Все сопит
И, за печкою поплакав,
Вновь бежит на ловлю раков.

Видение

Было нынче мне видение
По Господнему велению:
Три столпа узрел я каменных,
Три других напротив пламенных.
И вошел в сие строение,
Ощутил я вожделение,
Ибо, грешник, деву белую
Лицезрел окаменелую.

Глас раздался сокрушительный:
Се ты зришь сосуд губительный!

По Господнему велению
Был конец сему видению.

* * *

Эх беда! Лежу, темно; не спится.
Все мутит и глотку жжет.
Встал я поискать ведро с водицей
И впотьмах пошел в обход.

Богородица! На стул наткнулся.
Так не пей, плешивый шут!..
Черт попутал. Вскоре я нагнулся
Ко лежанке: влага тут.

Да куды там – я мою старуху
Опрокинул впопыхах,
Та влепи с размаху оплеуху,
Не узнавши, что ль, впотьмах.

Загремел на утро отче: гнойно,
Обло чудище, свинья!
Ну достойно, чина ли достойно?
– Не достойно, – молвил я.

КЛЕМЕНТИЙ БУТКОВСКИЙ
(1891–1917)

Из книги «Кавалерийские победы»

За горою село солнце,
Умирает тихо день.
Погрузилось Радохонце
В бледно-розовую тень.

Повели коней на речку,
Кухни поплелись вперед,
И полез опять на печку
Мой хозяин, идиот.

Увидав на печке спину,
Знаю: пробил час услад.
Тороплю мою Янину
Выходить в безлунный сад.

Вечер. Тихо. Сад в овраге.
Мы от мира далеки.
Набрались росной влаги
Белой розы лепестки.

Где взяла Янина розу?
Что смеешься и молчишь?
Не боишься ль, что угрозу
Вдруг исполнит старый шиш?

Как уйдет из деревушки
Воевать гусарский полк
(Слышишь, как вздыхают пушки,
Понимаешь в этом толк?)

Как уйдем, – прощайте ласки!
Старый срежет для остратки
Молодой своей козы
Здесь, в саду же, пук лозы.

Трубка

О, долгий путь! В усталой позе
Сидишь и куришь натошак.
Как ароматен на морозе
Медовый английский табак!

Голубизна дымка и снега
И пасмурная эта даль –
Такой покой, такая нега,
Такая долгая печаль.

Дорога круто убегает
На побелевшие холмы.
Голодный конь едва ступает,
Иззябли мы, устали мы.

Седло, в какой ни мерзнуть позе,
И бьет и давит, – все не так!
И только тешит на морозе
Медовый английский табак.

В отпуску

Ходить в гости со своим шкафом неудобно.
Мое сердце – большой шкаф.
Мне тесно в маленьких комнатах,
И я топчусь как медведь.
Душно. Нельзя курить,
Разговаривать только вполголоса,
И непременно, чтоб смешно.
А я слушаю, как бьется мое сердце –
Ужасный грохот! Чужих не расслышать слов.
Нет, лучше опять в поля,
Там тихо, гуляет ветер,
Ждет собачья могилка меня...

Содержание

В. Кудрявцев. «Жить надо, в праздник наряжая
Все дни – дней мало нам дано...» 5

УЗЫТЫОІ

САНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГУЛКИ

- Посвящение 18
 Море 19
 Лодки сонной, лодки синей... .. 20
 По матовости плеч, по смуглой коже ног... .. 21
 Зарею, сонная колен истома... .. 22
 Смеясь, плывет с чрезмерно бурным шумом... .. 23
 С веранды в синь спящей глади... .. 24
 Жара. Иду в купальни... .. 25
 Только первая рюмка Кианти... .. 26
 Видение Венеры 27
 Заря. Рондо 28
 Прогулка 29
 Воспоминание 30
 Что б ни случилось, душою не смутись... .. 31
 Заплатано тряпкой окошко... .. 32
 Идиллия 33
 Небо нежно золотится... .. 34
 Ноктюрн 35
 ТЕОСОФ
     1. С крутых, обманчивых откосов... .. 36
     2. Поставил точку. Перечел... .. 37
 Бессонница 38
 Убоги поля... .. 39

- Рождество 40
 Н. Бахтину (Вы помните осенних дней...) 41
 Вдвоем 42
 Сон 43
 Как прежде ты на фоне дней... 44

Amor Profanus

- Из пены кружев возникали... 46
 Asti 47
 По желтоватым занавескам... 48
 Моей души прозрачно дно... 49
 Ты сидишь в углу дивана... 50
 Еще бледна ты и безвольна... 51
 Твой горький рот, пропахший никотином... 52
 Чужие люди подходили... 53
 Мимолетное 54

БРУГАБИЦЬ СТОА

Бобруг стоаа

- Веселье с песней сплетено вокруг стола... 59
 Как нежно, без косметики, румян, кто любит... 60

РАЕННЫЕ ПЕСНИ

- Только пленных песен звуки... 63
 Брат, проснись! Пропел петух свежесть зорь... 64
 Игрок 65
 Радость, гостя хлопотунья... 66
 Всех городов пышней Сидон гостеприимных... 67
 Я утром обходить базар люблю... 68
 Рассказ об Индии богатой... 69

- Пока в жасминной мгле покоясь... .. 70
 Розов мрак опочивален, мой любимый... .. 71
 Стучу к тебе, дрожа, горя: открой мне дверь!... .. 72
 Дождь идет 73
 Воробей Вероники 74
 Прекрасен пурпур, золотом шитый... .. 75
 Колеса врезались в песок сырой... .. 76
 Феофано, дочь Симонида... .. 77
 Есть путы чар, и тайно мы горим. Прощай!... .. 78
 Не все ль равно, каким глухим кварталам... .. 79
 В праздник 80
 Пьющие солнце 81
 Забывши рок, мы ставим цель, а там умрем... .. 82
 Не любят розовой весной... .. 83
 Куда уехать нам, в какие дали?... .. 84

Вещь Эпифора

1. Пикник 86
2. Неверный шаг 87
3. Аббат 88

Третий

- Бессонный дух с тобою входит в келью... .. 90
 Сонно рыбе сладострастье... .. 91
 Предчувствие лета 92
 Закрыты радостные двери... .. 93
 Третий 94
 Андрогин 95

Тайный гость

1. В тот год, без Вас, я жил на чердаке... .. 99
2. Последние подняли судно волны... .. 102

КОСМЕТИКА КОСМОСА

- Косметика космоса, ты... .. 106
 Завтра 108
 Влажность 110
 Сердце ночи 111
 Морская пустыня 113
 Рассвет 116
 Отрывок 117
 Нас ужас вяжет сталью паутины... .. 119
 Наш рок и труден и туманен... .. 120

ИЗ СБОРНИКА «СТУХИ»

В ПУТИ

- Города проплывают в тумане... .. 125
 Весна в горах 126
 Как встарь, о жизни быстро тающей... .. 127
 От прежних дней – пустыни сладкой... .. 128
 Уличные стихи 129
 Полет 130
 О формы хрупкие руки... .. 131
 Ни звезд, ни звука. Воздух влажный... .. 132
 Я дни берег ревниво, как червонцы... .. 133
 Звериный зов 134

РАСНИ

- Чуть звезда блеснет над чашей... .. 136
 Ты мне волосы ласкаешь... .. 137
 Мы живем на отлете, как птицы... .. 138
 Роза 139
 Отраженье блаженного жара... .. 140

- Что осталось мне делать на свете... .. 141
 Пройди холмы цветущие, мечтая... .. 142
 Поймешь ли, чем она жива... .. 143
 Альмавива 144
 Не поза и не любованье... .. 145
 Ночь 146

БДРОМ

- Радио 149
 Чем дорог я тебе? Ни дутой славы... .. 150
 Вокруг – стена волшебного тумана... .. 151
 Густых, воздушных, золотистых... .. 152
 В несовершенстве вялых линий... .. 153
 Две тени мы души одной... .. 154
 Мечта моя в загробном мире... .. 155
 Пейзаж 156

ЧИЧЕРОНЕ

- Николаю Бахтину (Теперь я больше не поэт...) ... 158
 Унтергрунд в Берлине 159
 Пуста амфора Афродиты... .. 160
 В Париже 161
 Успех 162
 Путешествие в Италию 163
 Порто Венере 164
 Лунгарно 165
 Палаццо Веккио 166
 Флоренция 167
 Я не пишу теперь стихов беспечных... .. 168
 Венеция 169
 Голубки Марка, вечер осиян... .. 170
 Байрон в Венеции 171
 Густое черное вино... .. 172

- Город 173
 Предутренный бодрит нас холод... 174
 Отель, два бара, банк, аптикитэ... 175
 Бред галерей 176

СОНАТИНЫ

- В рюмке светлой предо мною... 179
 Весел и ясен твой дух... 181
 Охотник 182
 Луна на вилле 184
 Сны 186
 За кисейной занавеской... 188
 Мелькание 190

РАЗЖАНЫ

- На голых сучьях, как хлопья снега... 192

ПОЩЕЩЕНИЕ ИЗ СЕРААЯ

- Подушек жар хранящих формы тела... 195
 Властитель бредит жемчугом Пенджаба... 196
 Недвижный ночи жар в дурмане грядок... 197
 – Еще поцелуй – о последний!.. 198
 Как сердце просится из плена... 199
 Кто в даль стремится, чужд в любви удачи... 200

ДУЗДРОСТЬ

- Запомни имя мое: Виргиний... 203
 Мавзолей 204

ААМПАГА ДУИХУ

- Посещение 206
 Царевна 207
 Вечер 208

Недостающее

Одиссей 210

Всплыла луна над почерневшей кручей... .. 211

Гений рода 212

Старый мир

Тоска по родине 214

Баллада 215

Приложение 1. ПЕРЕБОДЫ И АОРМАТТО

УЗ АНРИ ДЕ РЕНВЕ 219

Приложение 2. ОФРАМАТИТЕЛЬСКИ ОАЦИФ

МИРРА ДА СКЕРЦО

Из книги «Голубая тетрадь»

Стихи Фелисьену

1. На книги, на цветы, на занавески... .. 255

2. Вы – светлый и простой и одинокий... .. 255

3. Какие-то не снизывались петли... .. 256

Весною 256

Эфир 2257

Неумелому 2257

На смерть Чапенко 258

ГЕНЕРАЛ АПУЛЕЙ КОНДРАШКИН

Ночью 259

Вопросы 259

На могиле Саши 2260

ПОТОГОНОВ

Протокол 261

ОНУФРИЙ ЧАПЕНКО*Из книги «Рябиновка»*

Жене 262

Русская баллада 263

Из Фета 263

Флос 263

Поэзия 264

ДЬЯЧОК ИВАН КОЗЯВКА

Тихий наш отец Иаков... .. 266

Видение 266

Эх беда! Лежу, темно; не спится... .. 267

КЛЕМЕНТИЙ БУТКОВСКИЙ*Из книги «Кавалерийские победы»*

За горою село солнце... .. 268

Трубка 269

В отпуску 270

_____ *Серебряный пенал* _____

Михаил Осипович Лопатто

СЕРДЦЕ НОЧИ

Рудня-Смоленск, «Мнемозина», 2015

Составление, предисловие, корректура –
Виктор Кудрявцев.

Набор, верстка, оформление, печать, переплет –
Сергей Ковнер.

Печать лазерная.

Шрифты Times New Roman, Arial,
Vera Crouz, Moonstone Stars.

Тираж 15 экз.

*В серии «Серебряный пепел»
вышли книги:*

- Григорий ШИРМАН. Зверинец звезд. 2008.
- Николай БЕЛОЦВЕТОВ. Небесный хор. 2009.
- Анатолий ШТЕЙГЕР. Мертвое «да». 2009.
- Николай МАКСИМОВ. Голое небо. 2009.
- Всеволод КУРДЮМОВ. Прошлогодня синева. 2010.
- Александр РОСЛАВЛЕВ. Земное чрево. 2010.
- Вильгельм ЗОРГЕНФРЕЙ. Милосердная дорога. 2010.
- Лазарь БЕРМАН. Парящий полет. 2010.
- Вера БУЛИЧ. Чужая весна. 2010.
- Александр БЕЛЕНСОН. Голубые панталоны. 2010.
- Георгий РАЕВСКИЙ. Одинокий прохожий. 2010.
- Лидия ЧЕРВИНСКАЯ. Невидимая птица. 2011.
- Варвара ВОЛЬТМАН. Капризная Муза. 2011.
- Филарет ЧЕРНОВ. Темный круг. 2011.
- Лидия ЛЕСНАЯ. Порхающая душа. 2011.
- Сергей РАФАЛОВИЧ. Пленная воля. 2011.
- Е. СТЫРСКАЯ и Э. ГЕРМАН. Две крови. 2012.
- Екатерина ГАЛАТИ. Трудный жребий. 2012.
- Ал. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Кому повем? 2012.
- Анна РАДЛОВА. Полынь-звезда. 2012.
- Владимир ВИНКЕРТ. Черный фрак. 2013.
- Эрих ГОЛЛЕРБАХ. Флейты Осени. 2013.
- Николай МЕШКОВ. Снежный сад. 2014.
- Владимир СМИРЕНСКИЙ. Напрасная нежность. 2014.
- Михаил ЛОПАТТО. Сердце ночи. 2015.

Планируются к изданию:

- Дмитрий КУЗНЕЦОВ
- Макс ЖИЖМОР и Михаил АНДРЕЕВ